

ЭММА
МАРЧЕНКО

И ЮГ,
И СЕВЕР

ЭММА МАРЧЕНКО

P29p
M30

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Сборник стихов и прозы

128470-32

краеведческому отделу
библиотеки

им. М.Ю. Лермонтова

от автора

Эммы Марченко

24/XI-2003г.

Ярославль
2003

МКУ «ЦБС»
г. Ярославля

Центральная библиотека
им. М.Ю. Лермонтова
Фонд краеведения

ЭММА МАРЧЕНКО

И ЮГ, И СЕВЕР

© МАРЧЕНКО Э.В.
© НАУКА И Т.П. ОФОРМЛЕНИЕ 2003

Бегущая по волнам

Автор сборника «И юг, и север» - известная ярославская поэтесса Эмма Марченко - провела детство в Феодосии, на берегу Черного моря. Там до сих пор остаются истоки ее поэтического слуха природы, людей, человеческой порядочности, веры в справедливость. Там написаны первые стихотворные строки, окончена школа, первая романтическая влюбленность, подруги и друзья юности, родительский дом. Все это там, в далеком прошлом. Но постоянно в ней и при ней. Она будто пропиталась морем. Этими ощущениями и воспоминаниями дышат ее многие стихот-

ворения. Одни из подразделов сборника так и называется: «Дыхание моря».

Однако судьба распорядилась так, что, сохранив в сердце Черное море, Эмма Марченко вобрала в него и Волгу. Она изучила ее, как говорят, вдоль и поперек, отработав несколько лет в газете «Советский танкер». Частые командировки, множество интересных знакомств с речниками, удивительные волжские рассветы и закаты, неповторимые очертания берегов и, наконец, мощная поэтическая энергетика великой русской реки, - все это придало творчеству поэтессы свежесть, искренность, напевность и музыкальность.

Ее поэзия, внешне простая, без затей и изысков, очень естественна. В стихах Эммы Марченко не чувствуешь напряженной подгонки рифмы, того изнурительного труда, когда затрачиваются «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Ее стихи, как море, как Волга: то спокойны и ласкают, обволакивая душу неповторимой прелестью жизни и окружающего мира; то вдруг меняют характер и будто негодуют, пеняются, реагируя на несовершенство жизни, людские пагубные слабости, утрату гуманных идеалов в повседневном общении людей.

В представленном сборнике нет громкой патетики, трибунных стихов и прозы, агиток, слащавых реверансов прошлому и настоящему. Нет острых обвинений в адрес политиков и эпохи. Поэзия Эммы Марченко НАД всем этим. Она наполнена не прагматичным рассудком и рациональным умом, а мягкой женской душой, которая все понимает и чувствует, постоянно переживая, без опасной для поэтического творчества агрессии.

Стихи Эммы Марченко читаются легко, но забываются трудно. Они очень влияют на настроение. То вдохновляют и открывают глаза на неповторимую красоту Вселенной, а то заставляют ощущать собственную вину за неустроенность нашей общей жизни, за мимикрию сознания и поведения.

В представленном на суд читателей сборнике творчество поэтессы охватывает четыре десятилетия. Но что интересно: ранние и поздние стихи органичны, по манере написания похожи, по открытости души - одинаковы.

В одном из своих стихотворений Эмма Марченко призналась:

*- Все было: радости, печали
Дальнейшей жизни без прикрас.
На волжском северном причале
О счастье грезил не раз.
И лишь признав своей судьбою
И юг, и север, и Москву,
Смогу назвать самой собою
Все, чем жила и чем живу.*

Строчки из этого стихотворения оправданно дали название новому сборнику ярославской поэтессы. Название очень символично. В нем «жар и холод, лед и пламень». В нем сплав удивительного времени, которое выпало на долю Эммы Марченко и ее сверстников. Это время вобрало в себя неудачную попытку осуществления многовековой мечты человечества о создании свободного, демократического общества изобилия и равноправия - коммунистического общества. И время реализации фантастических проектов по освоению человеком космоса и разгадке тайны строения

человеческого гена. Это время самой безжалостной и кровопролитной Великой Отечественной войны, на которой погиб отец Эммы Васильевны. И время возрождения православия в России и восстановления разрушенных храмов. Время гонения на реформаторов в политике, науке, искусстве и культуре. И время глобальных изменений во всем укладе жизни россиян. Время строгой дисциплины и запретов. И время почти неограниченной свободы в поведении и нравах. Все эти полярные политические и социально-экономические процессы формировали и продолжают формировать мировоззрение людей. А особенно людей творческих. Сохранить гуманный поэтический взгляд, религиозную терпимость, веру в победу добра над злом удалось далеко не каждому из нас. Эмма Марченко - одна из тех, кому это удалось. В ее стихах, как впрочем и в мыслях, в поведении нет агрессии и злости. Хотя, казалось бы, причин для этого хватало всегда.

Многие годы творчество Эммы Марченко не было известно широкому кругу любителей поэзии. Она не раздвигала локтями дорогу для своих стихов, не искала спонсоров и меценатов, не унижалась перед теми, кто, если и снизойдет до просящего, то не от понимания и уважения творчества, а от ощущения себя могущественным и значительным. Почти пятнадцать лет поэтесса не могла в полный голос отчитаться перед ярославцами о своем творчестве. Поэтому выход сборника «И юг, и север» вполне можно считать большим событием. И для поэтессы, и для всех любителей поэзии нашего песенного ярославского края.

Александр Разумов,
заслуженный работник культуры РФ

АККОРД НА ИСХОДЕ ВЕКА

1991 - 2000

* * *

Мелькают дни чем дальше, тем скорей.
Мне видятся сквозь времени отрезки
Фас корабля с серьгами якорей
И очертанья башни генуэзской.

И Черное - из всех других морей,
И воздух над горой до блеска чистый,
И взгляд по-детски ясный и лучистый,
Каким он был у матери моей.

Все это для меня - небесный дар
И для души уже настолько близко,
Что кажется, нужна всего лишь искра,
Чтоб вспыхнул завершающий пожар.

Чтоб, замыкая дней моих кольцо,
Воспоминанья промелькнули мимо,
И только ветер с побережья Крыма
В последний миг повеял мне в лицо.

Буря на море

Рева, ночное море бушевало.
Несметных волн мне помнится пальба.
Казалось, буря непомерным валом
Вот-вот коснется лунного серпа.

Когда же посреди потемок ночи
Морской простор бездонный вздох исторг,
Не содрогнуться не хватило мочи,
Унять в душе кощунственный восторг.

А под горою прикорнул посёлок
И всполошился только поутру,
Когда залива золотые пчёлы,
Играя, отразились на полу.

И, умеря берега тревогу,
Текли шеренги затихавших волн.
И преграждал размытую дорогу
С корнями смытый неохватный ствол.

* * *

Почему повторяются сны,
Будто снова раскрытая повесть?
...Я и кто-то расстаться должны -
Кто меня провожает на поезд.

Я опять отправляюсь туда,
Где, похоже, счастливой бывала,
Где, играя, морская вода
Набегает вскипающим валом,

Где такой золотистый песок,
Что заманчивей нет и в помине,
Где ласкает усталый висок
Мягкий ветер, единственный в мире.

Этот край далеко впереди,
Мне еще предстоит пересадка.
Мне от этой задержки в пути
Наяву было тоже досадно.

А во сне до владения волн
Я опять не успею доехать:
Оборвется безжалостный сон -
Дней ушедших бесплотное эхо.

На склоне лет

Хотя ноябрь, но все ж пока
Небесный свод синееет,
Поразомкнулись облака
Над головой моею.
Я направляюсь прямо в парк,
Я пользуюсь погодой.
А позади меня парад -
Все прошлые невзгоды.
Со мною рядом - никого,
В чем грустно убедиться.
Кто были - спят так глубоко,
Что их не добудиться.
Другие, съездить бы к кому,
Родные вспомнив лица,
Живут за сотни верст в Крыму,
Теперь уж за границей.
А я по городу иду,
Где прожила полжизни,
И размышляю на ходу
О горестях Отчизны.
Нет, не печалюсь я уже
О собственной судьбине.
Но все же мутно на душе
Под небосводом синим.

Холодная весна

Непогода сгубила весну,
Зачастили дожди за окошком.
Так и тянет безвольно ко сну
Человека, как старую кошку.

А сегодня смешались с дождем
Хлопья снега, до ужаса зримы.
Непонятно, чего же мы ждем,
Если снова почуяли зиму,

Если даже небесная даль
Не сулит никакого просвета...
По привычке один календарь
Утверждает, что близится лето.

Может быть, в нескончаемом сне
Растворился бы пасмурный город,
Да реальней, чем дождик и снег,
Неурядиц пронзительный холод.

В круговерти наставших времен
Для торжественных песен - не место.
Что ж под сенью народных знамен
Простак собрались для протеста?

Опять война

Была земля войной опалена,
Клубилась чернота на горизонте.
Шла для отца понятная война:
Сражался с оккупантами на фронте.

Был целый край несчастьями гоним,
И мама от вокзала до вокзала
Со мной и братом маленьким моим
Куда-то в тыл от смерти уезжала.

Покончено с той, давнею войной.
Но накануне празднества Победы
Иных боев раскаты над страной,
Иных времен бесчисленные беды.

А на дорогах гибель и разбой,
И люди землю кровью оросили.
И кажется, что ты сама с собой
Ведешь войну, смятенная Россия!

И снова ужасаясь и скорбя,
Гремишь на перегонах поездами,
Как будто можно от самой себя
Укрыться за горами и лесами!

Генерал

Победителей много
Прошло по планете -
Генерал, генерал, генерал...
Но откройте
Такого другого на свете,
Чтоб людей меж собой примирял!

Например, в обоженном враждой
Приднестровье
Или, скажем, в мятежной Чечне.
Пусть вражду заменял
Не вселенской любовью,
Но исходом, достойным вполне.

Не приемлю недаром
Все культы на свете:
Человечного в них - ничего!
За ребят, избежавших
Увечий и смерти,
Всей душой почитаю его.

Столкновение

Толпа прохожих хмурилась с натуги:
Жизнь тяжела у большинства из нас.
Но сладко улыбались две старухи -
Вставные зубы словно напоказ.

Их не заметить мыслимо едва ли.
А улыбались обе неспроста:
Они брошюру даром раздавали
О сущности учения Христа.

По нашему не зная ни полслова,
Ну, то есть совершенно - ни бум-бум,
Сектанты, что у нас уже неново,
Поход свой совершали наобум.

И любопытства удержать не в силах,
Когда одна приблизилась ко мне,
«Откуда вы?» - я у нее спросила -
Не поняла она ни бе ни ме.

В наш древний город будто по ошибке,
Как будто ветром занесло ее.
Прочь отошла - и, вспомнив об улыбке,
Приклеила - и снова за свое.

Ишь, сатана! - подумала я в гнев -
И как людей смущать не надоест!..
А высоко сиял в лазурном небе
Родного края православный крест.

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

МКУ «ЦБС»
г. Ярославля

7

Центральная библиотека
им. М.Ю. Лермонтова
Фонд краеведения

Сестра Шехерезада

Ничего мне объяснять не надо,
Не поверю в праведный разбой.
Мудрость, красота, Шехерезада,
Как они расправились с тобой!

Как не знать - не подлежит огласке
Дерзость тех, кто на Земле сильней.
Древние пленительные сказки
Захлебнулись не в крови ль своей?

И когда над крышами Багдада
Шел за самолетом самолет,
Там, внизу, не ты ль, Шехерезада,
Тосковала ночи напролет?

Посреди развалин тех и этих
Никакие сказки не спасут.
Но отринут вещи мечети
Совершенный грешниками суд.

Превращение

Вот какой ты сделалась теперь!
Что ж, Москва, отбросим предрассудки,
И пускай безрадостность потерь
Прикрывают смехом проститутки!

На Тверской иль где-то в стороне
В магазины больше уж не манит.
Все переменялось, как во сне
Или в фантастическом романе.

Нищета расселась там и тут,
Выставила шапки на асфальте.
А в кинотеатрах - Голливуд
В самом оголтелом варианте.

Вывески на пришлых языках,
Бизнес дорожающих клозетов...
На семи стоящая холмах
Гордая столица, ты ли это?

* * *

Народ, помогай сам себе,
На новых «вождей» не надейся,
В их жестах все то ж лицедейство,
Народ, помогай сам себе!

Народ, помогай сам себе,
Себе и России забытой.
Кто смотрит в свое лишь корыто -
Твоей не помощник судьбе.

Народ сам себе помогай,
Отринь и бездумье, и пьянство.
Иначе за срам и мытарства
Себя самого и ругай.

Народ, помогай сам себе,
Себе и огромной России.
Пойми наконец, ты всемогущ.
Народ, помогай сам себе!

Лучина

Электрического света
Не желает большинство:
- Наступает скоро лето,
Обойдемся без него.

Вся забота - эка малость! -
Если что - куплю свечу.
Телевизор поломаю,
Холодильник отключу.

Мы в итоге - не потомки,
Мы - обломки Ильича.
Не пугают нас потемки,
А тем более - свеча.

Напустили тут туману,
Но сама я не солгу:
Мне свеча не по карману -
Я лучину разожгу.

А когда среди затмений
Наконец смогу уснуть,
Может быть, приснится Ленин
И подскажет что-нибудь.

Благодарность

Я пенсию ждать утомилась,
Со страхом считая рубли.
Какая великая милость,
Что снова ее принесли!

Ее задержали, конечно,
Но все-таки дали - пора.
Я снова взглянула с надеждой
На путь, безнадежный вчера.

Направлю стопы к магазину -
Такая нахлынула прыть!
Пойду не глядеть на витрину,
А чтобы сосиски купить.

А корочку черствого хлеба
Решила отдать воробьям.
Спасибо, российское небо,
Что выдали пенсию нам!

На каждом этаже

Трамвай набегает, как шторм,
За шторами на рассвете.
А хочется думать о том,
Что правы беспечные дети.

Они опоздать в детский сад
И завтрак проспять не боятся.
Пока малолетние спят,
Лишь шепотом в кухне бранятся.

А старые, не дорожа
Забвения сладкой минутой,
На гулких своих этажах
Легко просыпаются утром.

И снова живут не спеша,
И смотрят глазами святыми -
Наверно, бессмертна душа,
Да головы стали седыми.

А те, кто не те и не те -
Не старые и не дети,
Себя отдают суете,
Совсем как разменной монете.

Невольно толкуют о том,
Что дороги пища и вещи...
А жизнь разгулялась, как шторм,
А, может быть, даже похлеще.

Блажь

Освободясь от утреннего сна,
Еще припав в постели к изголовью,
Я размышляла, верная жена,
О выдумке, зовущейся любовью.

Я о мечте несбыточной своей,
Стыдясь ее, опять затосковала
И сделалась несчастней всех людей...
А ты на мне поправил одеяло!

И разделив со мной мою печаль,
Нисколько не поняв моей печали,
Пошел на кухню приготовить чай,
Пожав в недоумении плечами.

Я потянулась - стало все равно,
Что говорить и чувствовать спросонья...
Смотрело утро хмурое в окно,
И воробьи расселись на балконе.

Они слетелись на седьмой этаж,
Чтоб я их, как обычно, покормила...
«Ну что с тобой?» - Я отвечала: «Блажь...
Пройдет... Не обращай вниманья, милый».

Солнце в сентябре

Недолгую минуту улучив,
Раскинуло белёсые лучи
Вкруг облака, нет, облачка сквозного.
Но облачком сокрытое почти,
Исчезло солнце для всего земного.

А лес, уже туманный столько дней,
Стал обходиться вспышками огней
Златой листвы и гроздьев ярко-красных.
Округу нашу в промельках дождей
Забыло солнце все-таки напрасно!

Иль, что ж, в широком венчике лучей
Сияло лишь для этой, облик чей
Принять решило в час осенней вспашки
И гвалта улетающих грачей,
Для крохотной, изябшей - для ромашки?

Прощай, Феодосия!

Нет иичего стройнее тополей
Пирамидальных, устремленных в небо.
Нет ничего для глаз моих милей
Твоих строений, сбывшаяся небыль!

Мне берега морского твоего
И солнечных предгорий не хватает.
Но образ твой в душе моей не тает,
Ты для меня и храм, и божество.

Хранишь ты, Феодосия моя,
На улицах следы тысячелетий.
В тебе такие тайны бытия,
Что трудно обойтись без междометий.

Вздыхаю не о том, что никуда
Не деться от пустого кошелька мне.
Ах, тополя, ах, древних башен камни,
Мне больше недоступны поезда!

Две луны

Луна в окно уставилась недвижно,
Не замышляя ровно ничего.
Я созерцаю комнату, а вижу
Родное море детства моего.

Спит Ярославль, витая в лунном дыме.
А мне до осязания видна
Тяжелая, созревшая, как дыня,
Иная полуночная луна.

Лениво расставаясь с горизонтом,
Она всплыла и встала на ребро.
Она была сначала ярко-жёлтой,
Но вскоре стала словно серебро.

И вот уже все море серебрится.
А мне вдали не спится потому,
Что меркнет свет на удрученных лицах
Моей родни в отторгнутом Крыму.

У самой Волги

Сверкай на солнце, синяя река,
А, птицы, неустанное трезвонье -
Спокойно кучевые облака
Раскинулись на самом горизонте!

Такое благолепие вокруг,
В таком согласье Волга с небосводом,
Что облако одно сместилось вдруг
И обернулось белым теплоходом.

Здесь столько было сказочных минут!
А кажется, что вижу все впервые.
Не оттого ль, что молодо цветут
Вдоль набережной лины вековые.

Раздумье

Неужели все прожито даром,
Неужели все прахом пойдет:
Чувства, что полыхали пожаром,
Устремлений высокий полет?

Ведь умершей, мне станут не нужны
И со мной не улягутся в гроб
Ни любовь, ни надежда, ни дружба,
Ни отчаянья тяжкий озноб.

Все уйдет без следа, без ответа,
Как в песчаную почву вода...
Иль на прожитом зиждется где-то
Запредельного смысла Звезда?

Будущей России

Средь разорения и пепла
Прозрела ты, а не ослепла,
Ничьим не кланяясь ногам.
Двужильная, великолепна
На удивление врагам.

Средь бездуховности вертепа,
Как бы восставшая из склепа,
Ты поднимаешься, дыша.
Сильна, пока с тобою небо,
Пока жива в тебе душа.

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

1959 - 1990

Ожидание встречи с тобой

Глаза друга

Я не о том совсем, какого цвета,
Хотя не скрою - у него они
Подобны небу в Подмоскowie летом,
Когда стоят безоблачные дни.

По отклику в себе, что не обманет,
Я, с ними встретясь, вскоре поняла,
Что их доброжелательным вниманьем,
Как тишиною лес, напоена.

* * *

Душа, как суверенная держава,
Высоких чувств возводит города.
Я думаю, столицей величавой
В ней может быть, конечно, Доброта.

Большими городами - Чувства Долга,
Товарищества, Верности, Любви.
Создать в ней стоит городок Восторга,
В котором не смолкали б соловьи.

Пусть будет много городов державных,
Так много, что их все не перечесть.
И среди них один из самых главных -
С названием Человеческая Честь.

Пусть процветает город Светлой Грусти
С полуночной задумчивостью стен.
А Зависть превратится в захолустье,
И Злость покинут жители совсем.

Так пусть, как суверенная держава,
Душа возводит мир особый, свой.
Пусть будет в ней всего одна застава,
Где Честность - неподкупный часовой.

* * *

Я помню каждый жест ваш, каждый взгляд.
Улыбка ваша постоянно в мыслях:
Как во дворе зимою - снегопад,
Как летом солнце - на цветах и листьях.

А что в улыбке вашей мило мне,
Я, может быть, и объяснить не в силах.
Но если буду я в чужой стране
И спросят вдруг: «Какая же Россия?» -

Мне вспомнятся свечение берез
И Волга, и еще улыбка ваша.
Я Родину ничуть не приукрашу,
Влюбленно отвечая на вопрос.

* * *

Разгадана, развенчана она.
Голубоватый свет ее - не тайна.
Теперь никто не скажет: «Ах, луна!»
Ведь это было б сверхсентиментально.

Но Млечный Путь, как снежная метель,
Глядит в окно, холодный и нетленный.
Но луч звезды упал в мою постель,
И нет мечте предела, как - Вселенной.

Ты улыбкой, как солнышко, брызни,
Выходя поутру из ворот, -
Понимаешь, у каждого в жизни
Предостаточно будних забот.

Разве любви нам хмурые лица
Или чья-то сердитая речь!
Ты улыбкой сумей поделиться
И ответную искру зажечь.

Чтобы, взглядом тебя провожая,
Отрешались от мелочных дум.
Чтобы тронула радость чужая
Даже тех, кто душою угрюм.

Понимаешь, на целой планете
Ничего замечательней нет,
Чем улыбка, которая светит,
Чтоб другая светилась в ответ.

* * *

Если правда, что на расстояние
Мысль передается иногда,
На тебя прольет свое сиянье,
Сна лишая, поздняя звезда.

Ты протянешь к книжной полке руку
И вздохнешь тревожно: нет, не то...
И начнешь звонить зачем-то другу,
И накинешь на плечи пальто.

Будет сердца стук, как гул набата.
Тень твоя метнется на стене.
Ты пойдешь по спящему Арбату,
Как по заколдованной стране.

Под холодным взглядом манекенов,
Под огнем изменчивых реклам...
Словно встречи ожидая с кем-то,
Будешь ты смотреть по сторонам.

Но пока ты глаз моих не вспомнишь,
Голоса не вспомнишь моего,
Не зови ты никого на помощь,
Не придет она ни от кого.

Тонкий месяц выплывает к зениту,
Промелькнет такси и - тишина...
Словно стрелка компаса к магниту,
Мысль моя к тебе устремлена.

* * *

И вот он грянул, ливень с высоты,
Как наше чувство, сильный и внезапный.
Взволнованно раскрылись все цветы
И источают небывалый запах.

Дождь отшумел, как лишние слова,
И где-то в тихих водостоках замер.
И только плачет мокрая листва,
Как мы с тобой, счастливыми слезами.

Пройдем мы по бульвару много раз,
Пока на небе звезды не погаснут...
В душе звучит мудрейшая из фраз:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

* * *

Ожидание встречи с тобой
Почему-то зовется разлукой.
И от этого даже любовь
Временами становится мукой.

Но в борении ночи и дня
Побеждает дневное светило.
Я люблю тебя так, что меня
И полярная б ночь не смутила

Бесконечной разлуки с тобой -
Без луча, без зари, без просвета.
Я жила бы надеждой: любовь,
Словно солнышко, прячется где-то.

На острове

Так замкнут остров пограничный,
Так невелик, что мы с тобой
Как будто во владеньях личных,
Нам презентованных судьбой.

Теперь от моря, от форпостов
Не оторвать счастливых глаз!
Он словно ждал нас, этот остров,
Вот в этот день, вот в этот час.

И потому решили люди
Вдвоем оставить нас - вдвоем,
Где дальнобойное орудье
Молчит - немое под чехлом.

Где охраняют наше чувство,
Застыв на рейде, корабли.
Пришедшей нежности учусь я
Здесь, на краю родной земли.

Суровый остров тих и светел -
Везенье подало сигнал,
Чтоб ради нас соленый ветер
Сегодня тучи разогнал.

* * *

Белые потемки. Долгие минуты.
Снегопад, качаясь, заслонил окно.
Хлопья снегопада, словно парашюты,
Оттого так тихо, оттого темно.

Слышу, если письма опускают в ящик, -
Но сегодня снова почта не пришла.
Мне же подле этих батарей горячих
Не хватает дружбы и ее тепла.

Напишу друзьям, что после снегопада
В комнате моей сугробы тишины.
За окном вечерним тусклая лампада
Той средневековой, призрачной луны.

На душе, я знаю, утром прояснится.
Станет все иным, что вижу в полумгле.
Напишу друзьям о том лишь, что их лица
В сумерках мороз рисует на стекле.

* * *

Здесь различишь еще мои следы,
Прикрытые узорчатою тенью.
Я для тебя придумала сады
С той синей, как у Врубеля, сиренью.

Раздвинулись тяжелые дома.
Я прямо в гроздья распахнула двери.
И красоте поверила сама,
И ты со мной в сады мои поверил.

В них плещется озерная вода
И птицы удивленные ликуют...
Ты так всему поверил, что сюда
Привел однажды женщину другую.

И помутнело зеркало воды,
И ты опять ступил на мостовую.
Я для тебя придумала сады,
Но без меня они не существуют.

Письма осени

Ветер дунул, и письма осени
Закружило вокруг и бросило
Не на землю и не в воду,
А на палубу парохода,
Вдоль по Волге-реке идущего
От минувшего до грядущего.
Несосчитанные, простые,
Долгожданные, золотые
Не кому-то в чужие руки -
Столковавшимся в дни разлуки.
Словно вырвались из оков
Телефонных скупых звонков,
И доверчиво, не спеша
В них с душой говорит душа...
Письма искренние, простые,
Сколько вас летит по России -
Листья осени золотые!..

Жар-птица

Маленькая поэма

1

Приехать в незнакомый город ночью
И убедиться наконец воочью,
Что первый раз не ждет тебя никто.
Лишь ветер бьет в лицо тебе и точно
Сорвать с тебя пытается пальто.
С дипломом лишь (единственным приданым!),

В промокших туфлях, с жалким чемоданом
Ждать на вокзальной площади такси
И показаться вдруг себе неожиданной,
Незваной гостьей в глубине Руси.
И не гордиться, что диплом - с отличием,
Лишь чувствовать себя полумосквичкой,
Прожившей в общежитии пять лет.
Стоять и удивляться с непривычки,
Что ярче звездный, чем рекламный свет.
Разглядывать под небом проясненным
Ночных берез дворцовые колонны
И низкие постройки в темноте.
И не поверить в огонек зеленый,
Как ненароком сбывшейся мечте.

2

Не площадь - заколдованное место!
Сидеть в такси, затормозившем резко,
И услышать в двенадцатом часу,
Под небом, испещренным звездным блеском:
«За Волгу не могу, не повезу».
Наверно, от усталости обидной
И оттого, что в темноте не видно,
Шоферу пожилому (ловкачу!)
Сказать (потом и вспомнить будет стыдно):
«А может, сговоримся... заплачу!»
Я заплачу... (А может быть, заплачу!)
Не знаю, понял так или иначе,
Но дверцу он захлопнул посильней,
Пунктир огней дорогу обозначил...
Какое счастье мчать в такси по ней!

3

И замереть, как в ожидание взлета,
Забуть на миг о всех своих заботах,
Когда просторный мост в ночных огнях
Вдруг выгнется за первым поворотом,
Как будто плечи, берега обняв.
И вот увидеть Волгу под собою:
На темных волнах серебро рябое -
Отсветы от побережий и моста...
На миг возникла, чтобы стать судьбою
Реки необозримой красота.

4

На расстоянье трудности мы любим!
- Домой, что ль, едешь?
- К незнакомым людям...
Дала подруга адрес этот.
- А-а...
За Волгой ветер переулки студит,
Пронизывая старые дома.
Вода в колонке, ставни, пес сердитый -
Приметы неустроенного быта.
Ни лампочки... Вот место! (А в Москве
Сейчас светло, метро еще открыто.)
А здесь - канава западней в траве,
А здесь - дорога, вязкая от глины.
(В глазах еще Москва: балет старинный
И ярусов затихших полумрак.
Воздушные движенья балерины
Из памяти не выбросить никак!)
А здесь - деревьев частые верхушки.

Окраина, а может, деревушка
И крайний покосившийся забор.
А дом за ним - высокая избушка,
Повернутая выходом во двор.

5

Стучаться долго в темное окошко,
Но не услышать в тишине сторожкой
Шаги за дверью или звук другой.
Перед избушкою на курьих ножках
Ждать зря свиданья с бабою-ягой.
И понимать, что рассветет нескоро,
Не надо было отпускать шофера.
Расстроиться, отчаяться почти,
Покинуть двор и - чудо: у забора
Опять увидеть огонек такси.

6

- Куда ж теперь ты?
- На вокзал пока что...
Усталость - от отчаянья лекарство:
За нею сны плывут, как облака,
И нежные, влекут в такое царство,
Где жизнь, как рядом с мамою, легка.
Уже сквозь сон:
- ...так ты сюда работать...
А город наш красивый: вон растет как!
Вдали многоэтажные огни
Желтели, как громаднейшие соты, -
Казались недоступными они.

7

На прежнем поле, около дороги,
Пока не дом, кощевы чертоги -
Семь с половиной этажей пока.
Здесь небо почернело от тревоги,
Что обожжет прожектор облака.
«Эй, кран давай!» - кричал внизу рабочий.
Кран рокотал и медленно ворочал,
Покачивая в воздухе, плиту.
А каменщики в тишине полночной
Выравнивали кладку: тук-тук... тук.
И наклонился сварщик над зарницей.
Казалось, он сумел поймать жар-птицу,
И птица трепетала у него
Для поддержания сказочных традиций
И чтоб не погибало волшебство.

8

За улицами с новыми домами,
За трубами, за бурными дымами
Защитных стен окаменелый дым.
Чуть освещенный дальними огнями,
Кремль белостенный кажется седым.
Мерцает тускло купол колокольни.
С нее - весь город словно на ладони:
Всех фабрик и заводов корпуса,
И Волги величавое раздолье,
И синие заволжские леса.

9

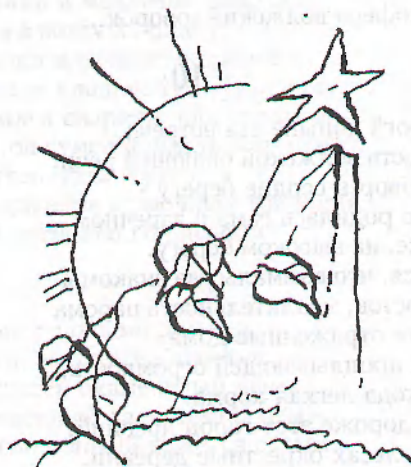
Заволжские леса увижу после...
На перекрестках светофоры мерзли,

Совсем замолкли отголоски дня.
Подъезд. Такси остановилось возле:
- Ты вот что, заночуешь у меня...
А утром встала - розовели стены,
Но спал хозяин, воротясь со смены,
С ночных своих, негданных дорог.
Лишь тек живой водой,
Проникновенно
Жены шофера волжский говорок...

10

Мне дорога доныне эта встреча,
Душевность волжской окающей речи.
Я этот говор в сердце берегу -
И словно родилась сама в заречном
В поселке, на высоком берегу.
И кажется, что сызмальства знакомы
Полет мостов, медлительность парома
И в Волге отраженные дома,
И баржи проплывающей огромность,
И теплохода легкая корма.
Мне все дороже этот город древний,
В густых лесах окрестные деревни.
Меня чаруют здешние места:
Могучие заволжские деревья,
Волжан гостеприимных доброты.
Жить, не мудря, но быть красивей, шире
Цветов на окнах, тишины в квартире.
Быть щедрой, близкой людям, как родня,
Как те, что ночью поздней приютили,
В своем краю приветили меня.

Встреча с отцом

Звезда

Тень отца витает надо мною,
А ведь столько лет с войны прошло!
Но могила с красною звездою -
Словно шлем, скрывающий чело.

Память, снова уподобясь чуду,
Возвращает мне его черты.
Так ракета, вспыхнув на минуту,
Вырывает степь из темноты.

Так она, вися над горизонтом,
Освещает дальнее село...
Помню все, что написали с фронта
Об отце товарищи его.

Что Отчизну заслонил он грудью,
Что мечтал в то утро, до стрельбы,
Чтобы жизнь моя своею сутью
Повторила суть его судьбы.

Чтоб моих решений и свершений
Трусость не коснулась никогда...
С каждым годом для меня священной,
Памятней отцовская звезда.

Папины письма

Шла с фронта полевая почта,
Тепло солдатских рук храня.
Я помню крупный папин почерк
В коротких письмах для меня.

И помню ночь. Длинные минуты.
Как стоны, мамины шаги.
И помню, шла я в школу утром
И знала: папа наш погиб.

И я крепилась еле-еле,
О горе думая своем.
А письма папины в портфеле
Лежали вместе с букварем.

Счастье

Детство помнится - как из осколков,
Удивительный калейдоскоп!
Помню белую лошадь с двуколкой,
В тишине мимолетный галоп.

Посчитать помешала за сказку
Лишь осевшая пыль на цветах
Незнакомую эту коляску
И у женщины смех на устах.

В гимнастерку одетый мужчина
Говорил с ней, плечо наклона,
И была у обоих причина
Не заметить пичугу - меня.

А войны отгремевшее эхо
Хоронил беспредельный простор.
Переливы счастливого смеха
Вспоминаются мне до сих пор.

Встреча с отцом

Как в тумане родные черты...
Снова сердце сбивается с ритма,
Подсказав мне, что жив ты, что ты
Возвратился - оно говорит мне.

Ты живой? Ты в бою не убит? -
Я гляжу, подавляя тревогу.
Как устал ты, отец, и не брит,
Возвращался ты долгой дорогой!

Обо всем ты узнаешь теперь:
Внуки ждут, и состарилась мама -
Столько лет наша скорбь о тебе
В жизни место твое занимала.

Я к тебе прижимаюсь лицом,
А щетина твоя, как гребенка -
Значит, взрослая рядом с отцом
Вправе стать на минуту ребенком?

Снова памятью сердце прожгло,
Как всегда, ты уходишь в молчанье...
То ль от сна, то ль от утра светло
И печально, светло и печально.

Терновый куст

Терновый куст развесист и колюч.
Но забываю в этот миг о риске
До крови наколоться. Нет ни круч,
Ни веток, лишь - слова на обелиске.

Нежданно появились за кустом
И тем сильнее душу поразили.
Я только что заботилась о том,
Чтоб терна поприбавилось в корзине.

То подымалась горной крутизной,
То осторожно раздвигала ветви.
И вдруг - слова за веткою густой
О подвиге солдатском и о смерти.

Фамилии, фамилии столбцом
И надпись: «Неизвестны остальные...»
Я тоже не увиделась с отцом,
Остались только письма фронтовые.

А воздух стал солоноват на вкус:
Далекое ли ощутилось близко,
До слез ли исколол терновый куст,
Растущий перед самым обелиском.

Стрежень

Ярославль в снегу

Я светлый образ в сердце берегу:
У зимней Волги Ярославль в снегу.
Над Волгою крутые берега
Смягчились, облаченные в снега.
А городские площади белы,
Как для гостей накрытые столы.
Во всех трамваях окна изо льда,
Белы деревья, крыши, провода.
И лишь красна морозная заря,
Как праздничный листок календаря.

Возвращение на Волгу

На верхней Волге осень золотая
Еще звенит листом на берегу.
А он пришел, серебристо льдом блистая,
Спустили трап, а трап его в снегу.

Его семь дней на Балтике качало,
И поржавел он от волны морской.
Он бортом прижимается к причалу,
Как рыжею щетинистой щекой.

Встреча с красотой

Снег на площади на широкой
И вечерняя тишина.
Сказка - церковь Ильи Пророка
Снизу доверху освещена.

Летом здесь пестро от туристов,
А сейчас и следы - в стороне.
Купола и покров искристый
Предоставлены только мне.

Что ж стоять? Ведь и завтра вечером
Будет так же вокруг светло:
В камне долгое увековечено,
Мимолетное - снегом легло.

Камень, стало быть, не растает,
Да и снег - среди зимнего дня.
Красота же с извечной тайной
Снизойдет ли опять до меня?

Город мой

О чем мечтаешь, город мой?
Какою гредишь стариной,
Прекрасен жизнью долгой?
О чем мечтаешь, город мой,
Нерасторжим со всей страной
И труженицей Волгой?

А где заводов корпуса,
Там деловиты небеса
Пейзажа городского.
Преобразились чудеса:
Они - и древности краса,
И подвиг Терешковой...

О чем мечтаешь, город мой?
Какою гредишь высотой
Над ширию многоводной?
Богат историей земной,
С какой беседуешь звездой,
Из отраженных Волгой?

Матери Н. А. Некрасова

От веселых садов вишневых,
От порогов крутых Днепра
В окруженье лесов суровых
Путь-дороженька привела.

Поутихли слова восторга,
Позабылся задорный смех -
Слишком плавной казалась Волга,
Слишком долгим казался снег.

Ох, какое досталось счастье -
Мужа грубого произвол!
Но открылось тебе участие
В грустных песнях окрестных сел.

Ни о чем уже не просила,
Бесконечно к другим добра.
И открылась тебе Россия -
Сердцем узнанная сестра.

Если б виделось все иначе,
Кто бы сыну смог передать
К Волге столько любви горячей,
Чтобы горько над ней рыдать!

А за то, что до слез жестокой
Долей горькою занемог,
Стала Волга живым истоком
Сокровенных сыновних строк.

Белогривая тройка

Словно нет впереди городов,
Словно спят под снегами деревни...
Украшает пушистый покров
У железной дороги деревья.
Скорый поезд наш словно скользит,
Пробегают лыжные стальною.
А вдали, а вдали и вблизи
Только снежные хлопья стеною.
Впереди ни звезды, ни зари:
С белым снегом дорожная встреча.
Полустанок зажег фонари -
Это значит, что близится вечер.
Поезд делит поля пополам,
Принесла проводница постели.
Но летит без дорог по полям
Белогривая тройка метели.
Обгоняя вагоны, летит:
Кони мимо окна промелькнули,
Полумесяцы звонких копыт
Вновь мороз подковал накануне.
Поезд времени словно не в счет,
День забылся, идущий на убыль.
И волнует, как встарь, и влечет
Удила закусившая удаль.

Областные города

Вас много, областные города,
И чем-то вы похожи неизменно.
Теперь везде - в трамваях теснота,
Теперь везде - над крышами антенны.

Все магазины на один манер
И многоместные кинотеатры.
Вот стадион. Вот привокзальный сквер
И поворот трамвая - путь обратный.

А в чем несхожесть? Может, в той реке,
Что вешний лед разламывает звонко.
В неповторимом местном говорке,
В какой-нибудь заброшенной церквенке.

А может быть, в нетронутых лесах,
Чья полоса за городом синее,
Чья хвойная, угрюмая краса
Запоминается всего сильнее.

Пускай у ваших у широких плеч
Плывет туман неоновом свете,
Вам, областные города,
беречь
Родного края тихие приметы.

* * *

В ожидании снега завяли цветы на куртинах,
Серый дворик предзимний мне виден
сейчас из окна.

Я хожу по музею, где в бронзе тяжелой картины,
Где причудлива мебель, камин без огня, тишина.

Словно скрипнуло что-то, как доски скрипят, усыхая.

И представила я: вот услышу за дверью шаги,
В парике завитом он появится, глухо ступая,
И в ожившем камине зардеются вдруг угольки.

Он по залу пройдет, там, где я, и меня не заметит.

Оба мы, он и я, существуем, но в разных веках.
Он помашет в окно не увиденной мною карете,
И она затеряется вскоре в бескрайних лесах.

Повернется, пойдет он обратно с печалью
во взгляде,

Той печалью разлуки, что в сердце
вовек не умрет.

Понимая его, я забуду о древнем наряде,
А парик завитой... пусть обсудят ценители мод.

Сельский музей

В селе, где еще уцелела
Ушедших времен тишина,
От школы начальной - чуть слева -
Под вербой постройка видна.

Обычная с виду постройка,
Задуманная без затей.
В ней чаще безлюдно, в ней - только
Не слишком известный музей.

А тот, чьи рисунки хранятся,
Чьи письма лежат под стеклом,
Судьбу искушал, вероятно,
Прощаясь с родимым селом.

Как после он жил - неизвестно,
Был в письмах скупым на слова...
В музее хранитель - из местных,
Ценитель его мастерства.

Указкой коснется вещицы -
И с чувством о ней говорит,
Без тайной тщеты приобщиться
К тому, кто у них знаменит.

И в малом большое
настолько
Пленяет сознание людей,
Что скромная эта постройка
Не зря превратилась в музей.

Старинное

Ах, улица старинная,
Твои особняки
И вязы-исполины
Душе моей близки.
Воображенье радуя,
Не отверну лица
От входа, от парадного
С приступками крыльца.
Из камня, а протоптаны
До вмятин - там и тут,
Приступки допотошные,
К кому они ведут?
Представлю поколения,
Взбегавшие по ним,
Забудусь на мгновение
Пред временем седым.
Ах, что приступки стертые!
Как вечность - полчаса,
Когда вблизи за стеклами
Далекие глаза.

* * *

Почти устарели и «трепет», и «прелесть» -
Прекрасные впрочем слова,
И все-таки снова с приходом апреля
Они обретают права.

И снова в краю голубого простора,
Прелестна движением чувств,
Конечно, Наташа, конечно, Ростова,
Хотя не графиня ничуть.

На реке

Как обещанье, манит, манит,
Вся серебрясь издалика.
А понимаю, что обманет
Мою доверчивость река.

Но от привычного, земного
Как отрешась и в этот раз,
Я замираю в рубке снова
И не свожу с излучин глаз.

И забываю отчего-то,
Хотя и знаю наперед,
Что там, за дальним поворотом,
Всего лишь - новый поворот.

Речнику

По какой реке сейчас плывете,
Снова ночью бодрствуя и днем?
И какие новости на флоте -
В мире переменчивом речном?

В час, когда еще побережью спится
И заря не выслала лиман,
Танкер ваш на плесе серебрится
Или одевается в туман?

Далеко ль ушли вы от низовья?
И опять, как в прошлую весну,
Все ль еще у речки в изголовье
Снег лежит, затерянный в лесу?

Трясогузка, утомясь в полете,
На корме сидит ли, свеся хвост?
Груз какой сегодня вы везете
По реке весенней в леспромхоз?

А вода, опять ли, прибывала,
Размывая берега черту?
Вижу вас стоящим у штурвала
В предрассветной рубке - на посту.

Синие заволжские края

Названья деревень

Растет ольха,
Да ель глядит сурово,
А у стволов незыблемая тень.
Олехово, Суглобино, Кольцово -
Названия окрестных деревень.
Как хорошо, что я сюда приехала:
Сквозь кроны пробиваются лучи,
И кажется, Олехово, как эхово,
В глуши лесной, нетронутой звучит.
А мне неймется:
Почему Суглобино? -
Допытываюсь я у тишины.
Не оттого ли, что зимой сугробами
До самых крыш дома занесены?
И по душе название - Скворцово:
Весна, ручьи, скворечни на шестах!..
Олехово, Суглобино, Кольцово

Друг ото друга - в нескольких верстах.
А за рекой - Коломино.
Деревня.
А в ней всего - изба, одно жильё!
Но, кажется, извечно, как деревья,
Старинное название ее.
Я соберусь.
В обратный путь пора.
Задумаюсь, когда домой приеду:
Не оттого ли - Дедова Гора,
Что здесь когда-то жили наши деды?

* * *

Евдокии Васильевне Антроповой

Я из провинции далекой,
Меня провинцией корят.
Я говорю спокойно,
окая, -
В Поречье все так говорят.

Перед рассветом ежедневно
Встаю и в вёдро и в дожди.
Что за беда, не королевна, -
Платок крест-накрест на груди.

Нечасто шью себе обновки,
Хоть с малых лет сама тружусь.
Среди чужих такой неловкой,
Такою замкнутой кажусь.

Но хлеб ржаной и хлеб пшеничный,
Что каждый день столица ест,
Он тоже родом не столичный,
Он из одних со мною мест.

Сортировка

Ложится пыль поверх загара.
Машина пущена с утра.
Растет, растет в углу амбара
Зерна сыпучая гора.

Но далеко до перерыва,
В руках от непривычки дрожь.
А бригадир кричит надрывно,
А что кричит - не разберешь.

Здесь происходит сортировка.
Течет пшеница. Поспеши!
Здесь происходит тренировка,
Закалка тела и души.

Здесь поминутно пить охота
И не присядешь дотемна.
Здесь отсеваются отходы
От полновесного зерна.

Богатство

Мы встаем с зарею рано утром.
И, покинув теплые постели,
Боровки раскапываем, будто
В этом поле кем-то клад потерян.

Клад, конечно, выдумка.
Ну, просто
Собираем мы картофель крупный.

И лежит перед глазами россыпь -
Белые и розовые клубни.

Мы не видим, как пылают клены,
Как в стогах душистых травы гаснут.
Кажется: склоняемся в поклонах
Над землей, дающей нам богатство.

Родина

Я ушла подальше от вокзалов
В синие заволжские края.
Я тебя до этого не знала -
Ты прости мне, Родина моя!

Не видала этих изб высоких,
Что в деревне строят на года.
Над рекой, заросшею осокой,
Прежде не сидела никогда.

С женщиной, идущей с сенокоса,
Сверстницей, встающей до зари,
Откровенно и по-бабьи просто
Прежде не случалось говорить.

Словно под лоскутным одеялом,
Под цветами луговины те...
Если б знать, как много я теряла
В городской трамвайной суете!

Позабыты мелочные споры.
Я гляжу, дыханье затая:
Здравствуйте, зеленые просторы,
Родина глубинная моя!

Соловьиная ночь

Рассыпается щелканье в пуще,
Льется свист соловьиный с ветвей,
И на миг замирает идущий
На дороге пустынной своей.

Словно не был до этого зрячим,
Он, забыв про дневные дела,
Замечает, что полночь прозрачна,
А лесная дорога светла.

Замечает, что зелены кроны,
Забывая заботы свои...
Рядом цокают, как в микрофоны,
В придорожных кустах соловьи.

Сказка

Взяли в плен косматые деревья
Маленькую волжскую деревню.
На опушке тихий бабкин дом,
Срубленный из бревен топором.
Что в лесу он видел?
Что он слышал?
Пчелы у него жужжат под крышей.
Петухи резные стали старыми...
Мы приемник в горнице поставили.
Даже лес
Шумит теперь по-новому,
Музыкой Чайковского взволнованный...

Выхожу из дома на крыльцо,
Дышит мне черемуха в лицо.
Я стою,
Гляжу в лесную чашу:
Может быть, на озере блестящем,
На волшебном, скрытом от людей,
Я увижу стаю лебедей?

Тропинка

У меня в плетеную корзину
Земляники с верхом набралось...
Я искала город стрекозиный -
Радостный и солнечный насквозь.
А тропа передо мной бежала,
Круто поворачивала вбок,
Словно я за ниточку держала
Впереди катящийся клубок.
Я покинула уют домашний
И за сказкой шла на край земли.
И касались ног моих ромашки,
И гудели надо мной шмели.
Но ушла я от ромашек белых,
Все равно их все не соберешь.
И тропинка привела на берег
И свернула в голубую рожь.
И была легка моя корзина,
И неплохо шли мои дела,
Потому что в город стрекозиный
Тропка неприметная вела.

Стог

Выше, выше растет, поднимается стог.
На стогу тетя Даша ровняет вершину.
Словно белое облачко - в небе платок.
Мечут сено к ногам тети Даши мужчины...
Я и прежде видала стога у дорог.
Но до этого лета не думала даже,
Сколько нужно уменья, чтоб выровнять стог,
Чтобы он поднимался, как дом двухэтажный.
Чтобы прочно стоял он, упругий, прямой,
Чтобы в непогоду не покосился от ветра,
Чтобы сытым буренкам казалось зимой,
Что в кормушках у них - травостойное лето.
Но отброшены вилы. Вползает в зенит
Раскаленное солнце. Пылится дорога.
Поправляя платок, тетя Даша глядит
Далеко-далеко с высоченного стога.
Луговины, лесные массивы - вдали...
Перед нею, на миг заглядевшейся, зоркой,
Развернулись просторы родимой земли,
Далеко отодвинув черту горизонта.

Бабушка

В дни, когда к концу клонилось лето
И осталось на полях жнивье,
Бабушка у нас совсем ослепла -
Солнышко померкло для нее.

Не встречает нас на зорьке ранней,
Не глядит в окошко на поля.
И не знает, что в горшке с геранью,
Как в пустыне, высохла земля.

Нет в избе привычного порядка -
Не хлопочет бабушка с утра.
В избу на экскурсию хохлатка
Выводок приводит со двора.

Сор опять не выметен под лавкой,
Самовар заглохший не кипит.
Лишь платок, заколотый булавкой,
Бабушка тревожно теребит.

И, наверно, нет сильнее муки
Для нее, чем этот неуют.
Не привыкшие к безделью руки
Бабушке покоя не дают.

* * *

Умирают зимние березы
Не своею смертью - от пилы!
Вздрагивают в воздухе морозном
Крепкие, упругие стволы.

Высоки. Замедленно паденье.
Но конец настал, как ни тяни!
Может, жизнь от самого рожденья
Вспоминают, падая, они.

И нельзя найти тут виноватых,
И тяжел у лесорубов труд.
Но шумят березы глуховато
И невольно за душу берут.

Чтоб земля им не казалась грубой,
Перед ними стелются снега.
Ударяет в лица лесорубов
Поднятая ветками пурга.

Первый лед

Река замерзла. Лед блестит слегка
И в лунном свете кажется лимонным.
Покрыты свежим снегом берега,
И серебрится воздух над зимовьем.

Оно на том высоком берегу,
И лес за ним - как на старинной черни.
А переправы нет через реку,
Мерцающую в сумраке вечернем.

Стою с тобою перед кромкой льда.
Луна и снег - тот берег виден четко.
Но близко-близко подо льдом вода,
И вмерзла в лед покинутая лодка.

И на губах моих как будто лед.
Как холод - затянувшаяся ссора:
Ты промолчал весь вечер напролет,
И я не начинала разговора.

И вот на лед идешь ты - шаг, второй...
Хотя бы оглянулся: как я? где я?
А я по тонкой корке ледяной
Ступаю за тобою, холодея.

И остается сзади лунный наст.
Мы вместе поднимаемся на берег.
Лед отчужденья тает, тает в нас,
Хотя мороз на речке не слабеет.

* * *

Я вышла из избы и поняла,
Что я забыла, что такое звезды.
Стояла тишина, и было поздно,
А за избой в лесу таилась мгла.

Над головой струился синий свет.
Казалось, что от этих звезд забытых,
Таких необычайных, первобытных,
Свободного на небе места нет.

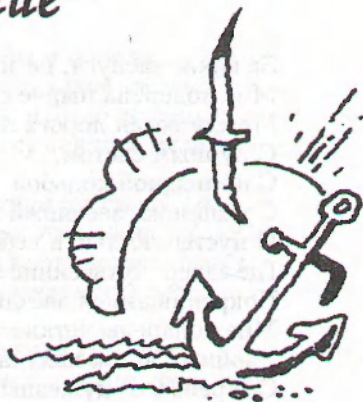
Они сияли в темной глубине.
А на опушке елка, словно лестница,
Подставленная к огненному месяцу,
Достань его - манила в стороне.

Но почему-то возвращался взгляд
К созвездиям над деревенской крышей.
И в самом деле, можно было слышать,
Как меж собою звезды говорят.

* * *

За какие заслуги, не знаю,
Мне подарена нынче судьбой
Между сосен дорога лесная
С лунным светом,
С неспешной ходьбой.
С тишиною, звенящей и хрусткой,
И пустынностью в небе большом,
Где зачерпнуты синие сгустки
Покренившимся звездным ковшом.
Мне подарены четкие тени,
Хвойных веток пахучая мгла.
От тревог, от душевных смятений
Наконец-то уйти я смогла.
От бессонницы маяться мне бы,
Если б не был нечаянно дан
Путь с вершинами сосен до неба
И мерцанием снежных полян.
Снег несмятый
У самой дороги,
С синеватым отливом вдали...
Наполняются легкостью ноги,
Словно нет притяженья Земли.

Дыхание моря

Детство

Такой ли Феодосия была?
Воспоминанья детства так неточны!
А может быть, об этом я прочла,
И все придумал
Сказочник восточный?
Но был же,
Был же старый абрикос,
Касались ветки черепичной крыши...
Он во дворе у нас когда-то рос,
И от плодов он становился рыжим.
И ослик был. Он на зиму возил
Нам антрацит.
Взбиралась я на козлы.

И горы были за двором, вблизи,
И крапинки на их вершинах - козы.
По вечерам спускались с гор стада,
В порту огни таинственно мерцали.
Дома на главной улице тогда
Казались двухэтажными дворцами.
Кончался город берегом морским.
Я не могла на волны наглядеться...
Все изменилось, стало все другим,
Одно лишь море
Синее - как в детстве!

* * *

Я прятала портфель под камень
И прибегала налегке.
Вернулась лодка с рыбаками,
Сушились сети на песке.

Еще корма блестела влажно
В кольце ребяческих голов,
А рыбаки ходили важно
И на весы несли улов.

Они вставляли в рань любую,
Не разговаривали зря.
И розовела барабуля
У них в корзинах, как заря.

А мне земля казалась тесной,
И море синее влекло.
И было самым интересным
Из всех - рыбацье ремесло.

Стрижи

Они как будто на бумаге,
На небе бледно-голубом
Молниеносные зигзаги
Прочерчивали за окном.

Их столько было рано утром
И предвечернею порой,
Что небосклон казался мутным
От их мельканья над горой.

Иной носился низко-низко,
Ловя у окон мошкарю.
И вверх взвивался, словно искра,
Вдруг чиркнув клювом по стеклу.

В ответ, не удержась от вскрика
И восхищения полна,
Я над выюнком, ползущим тихо,
Звенела створками окна.

И проносились возле крыши
И над черешнею стрижи.
А радость поднималась выше,
До неба строя этажи.

Взаимосвязь

Когда легко и думалось, и пелось,
Когда казалось - трудности не в счет,
Не понимала, что наступит зрелость
И все, что было, вспомнит и учтет.

Хотя не спору: юность необъятна,
И это подтверждается поздней,
Когда поймешь, как опытность богата
Неповторимостью минувших дней.

Давние места

Я не забыла давние места.
О них воспоминания так живы,
Что связывают с ними, словно жилы,
Но там сейчас такая пустота!

Для сердца пустота, а не для глаз,
А впрочем, и для глаз, раз сердцу пусто.
Ах, если бы мне было только грустно,
Мне больно возвращаться к ним сейчас.

Там каждая тропинка, как строка
Написанной мне дружеской записки,
Но тех, кто написал, с кем были близки,
Уже не встречу там наверняка.

И лишь воображение хранит
Все, как того хочу: без измененья.
Как будто можно быстрые мгновенья,
Не убивая их, одеть в гранит!

Саманный дом

Все говорят, что вот пустует дом,
Так говорят, не ведая о том,
Что в нем живут мои воспоминанья -
В саманном доме, вроде бы пустом.

Советуют сдавать его жильцам
И даже плату брать по месяцам.
А дорогие мне воспоминанья -
Мне с ними, что ж, таиться по углам?

Нет, старый дом нельзя сдавать внаем,
Тем более нельзя пускать иа слом -
Ведь давние мои воспоминанья
Не могут перебраться в новый дом.

Светлая поляна

Открывшаяся светлая поляна
Взглянула земляникой на меня.
Был старый сад огромным, как Земля
Во времена открытий Магеллана.

Казалась слива клочьями тумана,
А яблоня - зарей, а тополя
Преображались в мачты корабля -
Таинственность всегда полна обмана.

Я с опасеньем продолжала путь,
И шевелились тени под ногами.
А я себя подбадривала: пусть

Темнеет что-то страшное с рогами...
А это был смородиновый куст,
А за кустом - знакомый голос мамин.

* * *

То ей хуже, то снова полегче,
Я касаюсь натруженных рук,
Утешаю: «Подлечишься, вместе
Мы поедем с тобою на юг...»

Как состарили маму заботы,
Голова на подушке седа.
Вспоминаю, как мама с работы
Шла у самого моря всегда.

Ей без моря, наверное, скука -
Да и как без него не грустить! -
Но на север приехала - внуков,
О себе забывая, растить.

А теперь вот надежда во взоре,
Хоть не выставит чувств напоказ.
Знаю только, что память о море
Помогает ей лучше лекарств.

Акация

На станции в крымском поселке,
Где вечно толпится народ,
Где грохот вагонов не молкнет,
Акация пышно цветет.

Но, может быть, это нелепо
И участь такая горька -
Тянуться к весеннему небу
Над крышей пивного ларька?

Водою очерченный берег
Отсюда еще далеко.
А веткам в соцветиях белых,
Как облаку, в небе легко.

Их запаха нежная крепость
Припомнится людям в пути.
Кто скажет, что это нелепость -
На станции пыльной цвести?

На родном берегу

Дорога к морю и холмы, как плечи,
Чьи очертанья круглые легки,
И на душе все радостей и легче,
Как от пожатья дружеской руки.

Когда же незаметно одолела
Знакомый путь и на песок легла,
Я ощутила и душой, и телом,
Что здесь исток глубокого тепла.

И, слушая рассеянню сквозь дрему,
Как бьются волны, галькою скребя,
Я берега осеннюю истому
Вбирала с наслаждением в себя.

И может, невеликую затею,
Но все-таки исполнила не зря,
Ведь даже всемогущему Антею
Давала силу отчая земля.

Слово о Керчи

В ожиданье солнечного мига
Встречи, несравнимая, с тобой
Показался мне открытой книгой
Шелестящий на камнях прибой.

А когда ненастной порою
Море о былом заводит речь,
Слышу голоса твоих героев,
Их «ура-а!» отчаянное, Керчь.

Ноют ли затянутые раны
Непогодой скрытых берегов,
Иль восходят над водой туманы,
Как десант погибших моряков,

Никуда от памяти не деться,
Лишь добавлю, помня и скорбя,
Что война мое настигла детство,
Керчь, неподалеку от тебя.

Я б сказать осмелилась: близка мне
И любима мною, как сестра, -
Но суровы керченские камни,
Недоступна Митридат-гора.

Первый пароход

Наш пароход качнулся на приколе,
А предыдущий - в море затонул.
А мины и потом взрывались в море,
И до земли докатывался гул.

Я поднималась первый раз по трапу,
Нас страховал встревоженный матрос.
А я рукой придерживала шляпу -
Боялась, как бы ветер не унес.

Открылось море, выгнутое круто,
А дальний выстрел хлопнул, как дверьми.
Была, как улей, каждая каюта,
И палуба полна была детьми.

И вот отчалил, гомоном нагружен,
Мой самый первый в жизни пароход.
Его и консервированный ужин
Нам предоставил Черноморский флот.

Махали крылья чаек на прощанье,
И расходился за кормою след...
Что в этом рейсе повезло случайно,
Я после осознала, повзрослев.

Неспокойное море

Если штиль - для чего ж волнолом!..
Лишь мальчишек ныряющих стайка,
Лишь качнувшая плавным крылом
Неподвижно парящая чайка.

От нее уплывая, мальки
В глубину ускользнули мгновенно...
Вот на берег сошли моряки,
Направляются в город, наверно.

Столковались по суше они,
И теперь - в настроенье хорошем.
Вот старик на скамейке в тени
Повествует соседу о прошлом.

А спокойного моря пора -
Не предмет для суровых рассказов,
Потому что опять крейсера
Поважнее рыбачьих баркасов.

Верность морю

Он переулочком, где мы живем,
Еще и звезды не совсем погаснут,
На берег отправляется к баркасу,
И мы его до вечера не ждем.

Седой, как шторм, артельный бригадир,
Он предан рыбакам трудом и словом,
Он, занятый сейчас прибрежным ловом,
Каких глубин за жизнь не проходил!

Враждебную морскую глубину
Непоправимо помнит минным полем
И говорит, что щедрость жизни понял,
Провоевав подводником войну.

Он с морем не расстался и потом.
Раскуривает трубку молчаливо,
Оглядывая серебро залива
Со взгорья, где решил построить дом.

Рыбачье утро

Сеть перебирали напряженно,
Наклонялись над кормой без слов.
К сапогам сползал большой,
Тяжелый,
Словно ртуть, трепещущий улов.
Мелкую рыбешку на свободу
Вытряхнули в море, чтоб росла.
Снова сети опустили в воду,
Водоросли сбросили с весла.
И поплыли, разбивая пену.
Медленно гребли - не налегке!
...Утренний автобус, самый первый,
Только показался вдалеке.

Глубинный лов

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленой, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Открыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парни, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чаек,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умоет.
Кивают парни: берись дружей!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

* * *

Вот зеленою краской забор подновил...
Вот смородины куст посадил в палисаде...
Старый грузчик портовый, он все норовил
Что-то вырастить, выкрасить,
что-то приладить.

Но однажды гудел репродуктор в углу,
А хозяин на стул опустился без силы...
Умер в праздник, гостей поджидая к столу,
Видно, времени в будничный день
не хватило.

Дождь в Крыму

С утра трещит, разламываясь, небо,
Трепещут удивленные сады.
В них дождь сто дней и мимоходом не был,
И вдруг - потоки хлынувшей воды.

Оправиться не хочет от испуга
Листва пирамидальных тополей.
И слышно, как размашисто, упруго
Тяжелый ливень хлопает по ней.

Морской залив, еще недавно синий,
Весь тенью дождевой заволокло.
Стодневный зной, внезапно обессилев,
О берег раскололся, как стекло.

В непогоду

Над морем тучи надвигаются,
А волны катятся гудя.
Сосна - угрюмая красавица
Едва спасает от дождя.

Усыпан хвойными иголками
Вмиг приглянувшийся приют.
А волны брызгами прогорклыми
Сюда и в шторм не достают.

Воспоминанья ливнем хлынули,
Смывая новые следы.
Тогда, к сосне прижавшись спинами,
Вдвоем спасались от воды.

Я не замерзла, я оттаяла,
Твоим согретая плечом...
А чайки мечутся отчаянно,
А ведь не знают ни о чем.

* * *

В этом доме как будто живых не осталось.
Как вода, затопила его тишина.
Придавила к земле одинокая старость
Все четыре его невысоких окна.

Наплывают деревья зеленым массивом
На скрипучие створки забытых ворот.
И лежат на земле перезрелые сливы -
Если дом опустел, кто же их соберет!

Только кукла сидит на дровах, за сараем,
Полиняла одежда на ней от дождя.
Только летний сквозняк занавеской играет,
Самовольно по дому пустому бродя.

Дремлет пес под окном (а ведь был неумный,
Да, наверно, сломила его тишина).
И седая старуха включает приемник,
Чтоб казалось, что в доме она не одна.

Сон

Мне снова снились очертанья гор
И море беспредельное за мысом -
Простор, знакомый сердцу с давних пор,
Но только освещенный новым смыслом.

Я с вышины взглянула, замерев,
Идя по тропке, словно по карнизу.
И в этот миг, разинув синий зев,
Меня волна подстерегала снизу.

А слабый голос увещал: вернись,
Вернись, вернись назад, пока не поздно!
Но только чайки устремлялись вниз,
Но только скалы обрывались грозно.

И солнце, опускаясь за хребты,
От собственного зноя увядало...
Вернись тогда я - этой красоты
Теперь бы и во сне не увидала.

Родство

Так меня поманила вода,
Что, забросив работу по дому,
Я сумела спуститься сюда
Вот по этому склону крутому.

Я своя - не спугнула с камней
Безмятежное общество чаек,
Здесь такое доверье ко мне,
Словно берег его излучает.

Я своя, и поэтому храбр,
Из воды появился на камне
И в глаза мне уставился краб
Так спокойно - хоть трогай руками!

И от малого камня - до той
Беспредельной черты горизонта
Я расту, вырастаю душой,
Отрешенной, внимательной, зоркой.

Имя дерева

Непогода во владенья лета
Ворвалась, доспехами звеня.
Помню я, от ливня и от ветра
Защитило дерево меня.

С той поры одно меня печалит,
Лишь припомню к морю спуск крутой:
Не узнала я, как величают
Дерево с раскидистой листвою.

Словно я, напуганная ветром,
У камней, где плещется залив,
Повстречалась с добрым человеком,
Как зовут, спросить о том забыв.

* * *

Когда уходят в море корабли
И заслоняет их простор зеленый,
Тут что-то есть от той неразделенной,
Высокой, но мучительной любви.

Покинутая пристань о морях
Лишь по рассказам, понаслышке знает,
За горизонтом мачты исчезают,
И вслед им смотрит преданно маяк.

Дыхание моря

Я слышу в крови моей
Родное дыханье твое,
Черное море!
Ты так далеко от меня,
Что я закрываю глаза,
Чтобы видеть тебя,
И волны твои
Чуть колышут
Морскую траву на камнях,
Рыжую и зеленую.
А осенью поздней
По пляжу брожу,
И рядом ни одного человека,
Лишь волны взлетают с разбегу
И брызги в мое попадают лицо.
А на душе
Так легко и привольно,
Словно юность моя
Протянула мне руки,
Из пены твоей возрождаясь.

ПРОЗА

Катя, Катя, Катерина...

История одной молодости

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Синий морской залив и родительский дом из ракушечника, светло-желтый под ярко-коричневой черепичной крышей, со временем не отошли в прошлое. Море мерещилось с многоэтажной высоты, когда жила уже далеко от него и ездила домой только на каникулы. А после окончания факультета журналистики Катя из предложенных мест будущей работы выбра-

ла многотиражку волжского нефтеналивного флота. Остальное и вовсе не прельщало.

Еще волновали годы, связанные с учебой в Москве. Вспоминалось, как седовласый профессор, полюбившись, все-таки поставил в зачетку «отлично». Он удивлялся, что студентка так глубоко усвоила его лекции: ему представлялись легкомысленными красивые, женские головки.

Многое из того, что само собой разумеющимся и существующим именно для них считали ее столычные сверстницы, Катя принимала как бесценный подарок судьбы. Она научилась разбираться, на каком спектакле или на какой художественной выставке надо обязательно побывать. К тому же появился провожатый, знающий Москву. Они исходили пешком все самые примечательные московские улицы и переулки. А в конце концов произошло то, что и должно было произойти: Саша стал пренебрегать маршрутом, ведущим домой, и все чаще отправлялся со своей спутницей к ней в общежитие. Он выпросил у нее фотографию, на которой с выгоревшей челкой, в простеньком сарафане она стояла возле калитки, где-то далеко-далеко от Москвы.

Сашина мама, увидев фотоснимок, нашла Катину внешность провинциальной и сумела повлиять на сына замечаниями по этому поводу. Саша учился на четвертом курсе, Катя на третьем. Они стали встречаться реже. Встречи прекратились без потрясения для обоих.

А Москву Катя полюбила на всю жизнь и, наверное, извелась бы в разлуке с нею, если бы не нахлынули новые впечатления и заботы.

Бесконечна Волга со своими известными и безызвестными притоками. Но еще протяженнее пути-дороги волжских судов. Катя - корреспондент верховья Волги. И еще севернее - рейсы по рекам и озерам, на Балтику и в Кандалакшскую губу. Редакция многотиражки далеко: на средней Волге. А Катя снова и снова на причале, снова на борту танкера, снова в рейсе на нефтерудовозе.

Плес откровенно во всем разнообразии. А большое и малое определялось в сравнении, как и везде. Рядом с большегрузными терялись некрупные суда. Как-то раз Катя находилась на одном из небольших танкеров. Шли после выгрузки с пустыми емкостями-баками. Казалось, стоит подняться ветру - снесет на легковесном суденышке с плеса на берег. Но вот и они почувствовали себя солиднее, когда нагнали буксирок прямо-таки с утюг величиной. Был он так мал, что заметить его с танкера оказалось возможным только глядя сверху вниз. А на борту у него было выведено - «Гордый».

Попытались связаться с ним, воспользовавшись, как обычно, рацией - ни звука в ответ. Лишь дал световую отмашку - пропускаю, значит.

- Ишь, какой гордый! - зубоскалили на танкере, оставляя буксирок позади.

А «Гордый», так и не проронив ни звука, направлялся по каким-то своим делам. Он был глухонемым - не оборудован радиосвязью.

Иначе выглядели буксиры с широкой, как утес, грудью. Они шутя передвигали огромные, неповоротливые баржи. Но и эти могучие толкачи меркли перед высокобортными танкерами, многие из которых ходили с грузом на Балтику и особенно волновали корреспондентку.

2

Не довольствуясь многотиражкой, Катя отправилась в областную газету, выходящую в Ярославле, где теперь жила.

Вахтерша разбиралась с нею, когда появился долговязый юнец с фотоаппаратом, болтающимся на плече. В одну минуту он успел повесить в раздевалке плащ, прочесть записку, оставленную ему на вахте, и подсказать, на каком этаже требующийся отдел.

Вернулась Катя в вестибюль более уверенной в себе.

- Как успехи? - спросил все тот же юнец, сбегая по ступенькам лестницы и направляясь к раздевалке.

- Оставили статью... заинтересовались.

- Поздравляю! - и, застегнув на ходу плащ, неожиданный доброжелатель испарился, хлопнув дверью.

Катя начала печататься в областной газете. И почему-то случалось так, что, приходя сюда, она почти всегда встречала Гошу, знакомого юнца, вечно куда-то спешащего с неизменным фотоаппаратом.

Но на этот раз Гоша остановился:

- Ты чем-то расстроена?

У Кати задрожали губы: выселяют из квартиры, где временно проживала.

Гоша помрачнел, сочувствуя, и вдруг загорелся:

- Постой, у меня - идея!

И вот, миновав на троллейбусе просторные улицы, они шли переулком, в котором, отгораживаясь от прохожих, выставили перед собой палисадники частные дома. Тот небольшой деревянный, куда они вошли, принадлежал то ли двоюродной, то ли троюродной Гоши-

ной тетке. Она жила одна и намеревалась пустить квартирантку.

Недоверчиво оглядев Катю, хозяйка повернулась к Гоше:

- Не гуляющая ли?

Гоша опешил от теткиной бесцеремонности и невольно посмотрел на Катю. А она, увидев его растерянное лицо, зашлась смехом.

- Что ты городишь! - обрушился Гоша на свою родственницу.

- А кто их разгадает, московских девок! - не унималась та. - Больно разбитные...

В ожидании коммунального жилья Катя сняла комнату, но не у Гошиной тетки.

3

Может быть, Катя и не уехала бы так далеко от родного дома на мытарства и выбрала бы профессию более спокойную, как советовали отец с матерью, - может, она так и поступила бы, если бы не Черное море, пробудившее первые творческие чувства.

Их пригород, покрытый садами, раскинулся в нескольких километрах от Феодосии с ее морским заливом. Дорога сюда сначала тянулась через совхозный виноградник. Потом огибала взгорье, одетое у подножья в заросли шиповника и терна, редящие к вершине. Катя всегда досадовала на остановку под горой, с нетерпением ожидая, скоро ли автобус тронется. Путь продолжался, и сразу за последним поворотом в окна автобуса начинало проникать свежее дыхание моря.

К морю она бежала, раскинув руки, словно распахнув объятия широкому простору. Ярко-синее из-

дали, но изумрудно-прозрачное, если смотреть вниз с волнореза, палевое, теплое тихими летними вечерами и седое от пены в зимнюю непогоду - море оказывалось еще прекраснее, чем обещало ожидание новой с ним встречи. И сколько бы Катю ни возили в детстве на морской берег, и сколько бы она, став постарше, ни вырывалась на простор сама, море вызывало в душе ликование, которое можно было выразить только в стихах. Учительница литературы хвалила Катины стихи и как-то послала в феодосийскую газету. К гордости обеих, стихи были напечатаны.

А сейчас предстояла командировка в головолом-ку Волго-Балтийского водного пути.

- Выбирай один из попутных танкеров, - слышит Катерина в телефонной трубке далекий голос редактора.

Выбирать оказалось не из чего. На подходе был единственный танкер. Вернее, стоящих у причалов и проходящих было несколько, но с Волги на Балтику шел один-единственный.

- Капитан превосходный на этом судне... Лагунов... Сергей Елисеевич, - подбодрил диспетчер.

Время тянулось, утомляя долгим ожиданием. Наконец среди голосов, доносящихся с флота по ультракоротким волнам, в диспетчерской раздался деловитый баритон Лагунова, и Катя встрепенулась. Но только часа через два, уже на исходе дня, поднялась с рейдового катера на танкер.

4

Утром она вышла на палубу, залитую июльским солнцем, и зарыжели в памяти родные подсолнухи, настолько показались похожими на них начищенный

до блеска бронзовый гонг и лицо паренька, усыпанное веснушками.

Паренек отступил немного в сторону, оценивая свою работу и, делая вид, что не замечает корреспондентку. А едва Катя попыталась заговорить с ним, так покраснел, что не стало видно веснушек. Но тут подошли еще двое: один закончил начищать колокол на полубаке, другой - винты на мотоботе, и завязался общий разговор. Вопросы корреспондентки, а может, ее карие очи заставили-таки парней разговориться. А она вся - внимание: наверное, что-нибудь интересное расскажут практиканты речного училища, бывающие даже на Балтике. Но, увы, оживление моментально погасло: на палубе появился первый помощник капитана.

Кате не надо объяснять, что в обязанность первого помощника капитана, а точнее замполита, входит партийно-политическая работа. Обязательный разговор с ним носит как бы ориентировочный характер. И сколько бы ни продолжался - можно не беспокоиться, что первому помощнику скоро заступать на вахту или он отдыхает после нее. На речном судне находится он в общем-то для присмотра за экипажем, совершающим рейсы за рубеж, хотя и очень непродолжительные.

Среди замполитов, с которыми Кате довелось общаться, уже был Александр Григорьевич, но фамилия у него какая-то другая - не Кремень. А Кремень сидит с нею за столом, отодвинув в сторону растрепанную подшивку «Советского спорта». Утром в красный угол редко кто приходит. Кто-то было заглянул в дверь и - скрылся, увидев замполита с корреспонденткой. Все условия у них для обстоятельного разговора. Но Александр Григорьевич, наверное, и сам с собою, и во

сне изъясняется штампами. Не сразу догадаешься, что боцман Гриценко, «проявляющий сознательное отношение к труду и общественным обязанностям», это и есть тот веснушчатый парнишка, начищавший со своей палубной командой бронзовые части судового оборудования. Катя готова сделать нелестный вывод о замполите: формалист! Но обескураживает энтузиазм, с которым А. Г. Кремень посвящает ее в план мероприятий, как-то: просмотр и обсуждение кинофильма, проведение шахматного турнира, а лекцию подготовил он сам на тему: «Что сказал или о чем сказал, или как сказал в своем выступлении Л. И. Брежнев».

Катя заметила, что замполит, одоблив многих, обошел молчанием старшего механика. А капитан посоветовал вчера: «Обязательно побеседуйте с ним, он - речной ветеран». Не думала, что у капитана с его первым помощником могут быть противоположные мнения о ком-то из членов экипажа. Вот незадача!

Постучав и услышав «да-да», она вошла в каюту, заранее договорившись о своем визите. А старший механик, видно, забыл о договоренности и, спохватясь, прикрыл газетой тарелку с какой-то едой, прежде чем пригласил присесть.

Не просто неразговорчивым оказался этот кряж: словно весла на мель, натолкнулись Катины вопросы на его необщительность. Заладил: для кого, мол, это - новость, а для механиков само собой разумеется, скажем, определять по слуху, как работает шатунно-поршневая группа двигателя.

Через несколько дней Катя будет мучиться, ища, каким образом в газетной корреспонденции передать обаятельность этого кряжа, которую сумела в нем разглядеть. А пока что она разочарованно закрыва-

ет блокнот, не записав ни слова. И слыша близко под собой мерное гудение двигателей, спрашивает просто так: не утомляет ли такое соседство? А старший механик - в ответ: его не беспокоит близкое дыхание машин, а вот если появятся какие-либо перебои, он услышит, даже находясь в каюте.

Он окончательно замолчал. Катя, испугавшись, что обидела его, принялась извиняться за опрометчивые слова. «Да уж ладно, - скупое улыбнулся он. И смягчился: - О чем же тебе рассказать, дочка?.. Приходилось ли тебе спускаться в машинное отделение?..»

- Ну, как идут дела? - поинтересовался замполит, и Катя, все еще напрягая голос после только что состоявшегося самого непосредственного знакомства с главным и вспомогательным двигателями, расхваливает старшего механика: и трудолюбивый, и душевный, даже к машинам относится словно к живым существам...

- А на лекции может всхрипнуть, - хмурится замполит, выдавая свою неприязнь.

- Но, может, лекция скучная, - не подумав, застывает Катя.

5

Как бесконечно прекрасна река, если, даже перегороженная шлюзом, она так живописна со своими раскидистыми берегами! А если смотреть на нее из рубки, она вся перед глазами с этими идущими судами, большими и малыми, грузовыми и пассажирскими. Работящая до самоотверженности - схожа своей судьбой с русской женщиной. Такова Вытегра.

Таковой она видится Кате, примостившейся в рубке с краю смотрового стекла - не помешать бы кому!

«Право руля, еще правее... левее... так держать», - подает и подает команды капитан, нацеливая взгляд в открывшийся шлюз и направляя движение танкера. Слова команды подхватывает и в точности повторяет второй штурман, стоящий у штурвала. Средоточенное выражение его лица неотделимо от волевого усилия капитана.

А узкий проход уже надвинулся вплотную, и Катя невольно отпрянула от смотрового стекла. Но танкер - белоснежные борта, огнеопасное нутро - зашел в шлюз, ничего не задев.

Двигатели смолкли на время, и стало тихо, как на даче. Капитану можно в эти минуты расслабиться, а Кате - от души поговорить с ним. Ведь еще не так давно Лагунов ходил в северных морях. Не скучает ли о море, спрашивает она, забыв о своем корреспондентском блокноте.

- Иногда хочется, чтобы покачало, - признается капитан, вздохнув.

- Почему же вы с морем распрощались? - допытывается Катя.

Вряд ли кто объяснит, в чем же все-таки заключается счастье. И, может, более доступно пониманию лишь мимолетное прикосновение его. Но Катя, возвратясь в каюту, старалась не думать о том, как приветливо, с каким интересом смотрел на нее капитан. И не надо, не надо ничего преувеличивать! И, конечно, счастлива с ним жена. Счастлива ли? Да как же не быть счастливой, если только потому, что у жены ухудшилось здоровье, и она не может жить в Заполярье, капитан распрощался с морем. Но ведь и здесь не только шлюзы. Вон за иллюминатором уже завиднелся один из островков Онежского озера. Все

еще красивым выглядит озеро, несмотря на ударное отношение к нему. Но уцелеет ли, не превратится ли постепенно в запакощенный, хотя и судоходный водоем подобно Ковже, пройденной недавно.

- Какой неприглядный канал! - ужаснулась Катя, глядя с палубы в мутную жижу, и кто-то из находящихся рядом подтвердил людское злодеяние:

- Это Ковжа... бывшая река.

6

Извилиста Свирь. Едва сумерки одели ее и сомкнулись в ней отражения сосен - зажглись на берегах створы, предупреждая судоводителей о поворотах. Извилиста и камениста Свирь, но и прозрачна насквозь. Днем видны в ней все каменья, а сейчас луч прожектора, направленный с судна, выхватил из темноты самые опасные и погас.

В рубке светятся лишь крохотные лампочки приборов. Включив на минуту над лоцманской картой неяркий свет, склоняется над ней третий штурман и - поворачивается к рулевому: «Право руля... так держать...» Только когда необходимо, подает команду капитан.

Катя не смотрит в сторону капитана. Она, и не глядя, чувствует всем своим существом присутствие его, снова примостясь с краю смотрового стекла. Плывут навстречу огни будто сами по себе, а не принадлежа судам, смутно различимым в ночи. Разминувшись с танкером, исчезают где-то позади. По сторонам темнеется лес. Густое, непроницаемое отражение сосен, по которому у штурвала судят о близости мелководья, кажется Кате бездонной впадиной. Сливаются с водой, нависнув над плесом, потемки. Как тут

не довериться уверенному голосу да еще такого красивого мужского тембра! Ох, Катя, Катя! И все-таки Катя права: в коротких командах Лагунова чувствуется его волевой характер и понимание навигационной обстановки. А иначе возможно ли благополучное плавание по ночной Свири?!

Между тем плес начинает проступать отчетливее; рубку наполняет предрассветная голубизна. Наступил тот, уже не ночной, но еще и не утренний час, когда после бессонного бдения дает себя почувствовать усталость и взгляд готова затуманить дремота.

Но вот заструился возбудительный запах кофе. И капитан протягивает одну из чашечек Кате вовсе не для того, чтобы кофе всегда напоминал ей о предрассветной рубке и радушной руке, к которой так захотелось прикоснуться.

И открылась вокруг неоглядная ширь, яркая, словно цветущий сад. Ахнула Катя и залобовалась Ладожским озером, отразившим расцвеченные утренней зарей облака.

7

Катя жила ожиданием новой встречи с Лагуновым. Пусть через месяц, пусть даже в конце навигации! Она еще больше привязалась к Волге, потому что по ней ходят суда, на одном из которых - капитан Лагунов. Порою она вглядывалась в речную даль, откуда медленно выплывал танкер, и сердце ее замирало. Танкер приближался, и Катя различала, что снова - не тот, и разочарованно отводила взгляд.

Ожидание было таким напряженным, что, справляясь в диспетчерской о движении судов, она надея-

лась и в то же время боялась услышать о прибытии желанного судна. А танкер, не причаливая, следовал мимо, или вообще не значился у диспетчера, совершая рейсы где-то в низовье.

Уже завершалась навигация, когда Катя, проходя берегом, взглянула на один из причалов и задохнулась от неожиданности и волнения: под погрузкой стоял долгожданный танкер. А поднялась на борт - вахтенный сообщил, что капитан и часть команды отлучились в город.

- А скоро ли Сергей Елисеевич вернется?

- Лагунов?... У нас теперь другой капитан.

- А Лагунов где же?

- А нигде... Перевелся в какое-то морское пароходство.

8

Катя по-прежнему была занята своей беспокойной работой - только успевала поворачиваться. Это отвлекало от собственных переживаний. Но стоило немного освободиться, умерив аппетиты редактора очередной корреспонденцией, отосланной в многотиражку, и со дна души поднималась печаль. А вокруг ничего не изменилось. Но уже не замирала в ожидании, когда вдали появлялся тот или иной танкер: ни на одном не было Сергея Елисеевича, не будет никогда! Она уходила с берега. Но и в отрешенных от мира сего старинных улочках, и в суматошном центре с его магазинами и очередями мученичество продолжалось. Направлялась в областную газету и впервые не беспокоилась - примут ли статью, а думала только о нем, о нем... Очнулась словно от прикосновения: ох, это опять Гоша со своим фотоаппаратом!

- Ну не мог пройти мимо... Понимаешь, не мог! Ты так смотрела... куда-то далеко-далеко.

После конфуза с теткой активность Гоши поубавилась. Катя понимала, что он чувствует себя неловко, и не напоминала о происшедшем. И снова на нее обратилась, по-видимому, прирожденная Гошина отзывчивость: не местная ведь, трудно одной!

А время шло своим чередом. Завершилась на Волге навигация. В затонах начался ремонт флота. На дворе установилась роскошная ярославская зима: деревья опушил иней, даже провода оделись в серебряную бахромку.

- Ах, какая сказочная красота, — вздохнула Катя, когда однажды они с Гошей выходили из редакции.

- Это еще что! - моментально подхватил Гоша. - Ты не бывала нынче в лесу - вот где сказка! Давай в воскресенье махнем в лес на лыжах!

Он поразился, узнав, что Катя не умеет ходить на лыжах: зимой у них в Крыму маловато снега, а то и вовсе не выпадает. Юг разочаровывал. Юг, но не Катя.

«Читал твою статью... блеск!» - восхищался Гоша, любуясь живым блеском Катиных глаз. Он, конечно, заметил, сколько печали появилось в них - отчего они вовсе не стали менее выразительными. Расстроена из-за жилья, думал он и старался радовать, как мог. Приподнес банку меда: зима - луговых цветов не подаришь, а мед цветочный - и вкус, и запах замечательные... Дед у него, у Гоши, держит за Волгой в деревне пасеку... Катя смутилась, не зная как отнестись к подарку.

9

Безнадежность и быстротечное время способны заглушить многие мечты и желания, но перед всепог-

лощающим чувством оказались бессильны. Катя ждала чуда - и ожидание, и вновь наступившая весна, и коварный случай, прикинувшийся судьбой, чудо сотворили.

Городским бульваром, обсаженным с незапамятных времен липами, шла она в настроении, казалось, соответствующем молодой листве, блестящей и светлой, а на самом деле - от неотвязных грустных мыслей - в мрачном, как темная кора стволов и веток. И липовая аллея вылепила и вывела навстречу ей вроде как Лагунова.

Что-то настораживало: явная липа, подделка! И Катя принялась смотреть вверх на ясное весеннее небо. А когда спустилась на грешную землю, он, этот высокий, сероглазый, стоял перед нею и губы его улыбались: «Девушка, не споткнитесь!»

Еще целую минуту смотрела она недоверчиво, но вместе с тем замечая в этом незнакомом человеке лишь то, что напоминало Лагунова.

10

Только через полгода разглядела, как не похож человек, ставший ее мужем, на исчезнувшего Сергея Елисеевича : открываются в улыбке великолепные зубы, а равнодушные глаза не улыбаются. Не разобралась в нем поначалу. Да и он, видимо, не понял, как различны они с ней по своей сути. А может, надеялся переломить ее, подчинить себе. Но переехала Катя к нему - и начались нелады.

Как-то пришла соседка позвонить от них в поликлинику: у внука неожиданно поднялась температура.

- Заходите-заходите, - приветливо встретила Катя. Позвонив, соседка ушла, - муж тут же сделал выговор:

- Не слишком ли ты любезна?.. На углу есть для всех автомат.

Или, делясь радостью, протягивала многотиражку со своей корреспонденцией:

- Знаешь, на нее откликнулись речники... При-
слали несколько писем.

- Вот и прекрасно, - отвечал муж и, отложив мно-
готиражку, разворачивал центральную газету.

От сидячего образа жизни и равнодушного отно-
шения ко всему, что прямо не касалось его, он уже
начал полнеть, хотя высокий рост еще позволял со-
хранять некоторую стройность.

- Какой у тебя представительный супруг! - взды-
хала подруга.

Хотя бы засиделся до ночи над своими конспек-
тами и лег спать у себя на диване - все чаще желала
в душе Катя.

Муж заканчивал аспирантуру, наконец защитил
кандидатскую диссертацию - и не парадокс ли! - свя-
занную с этикой.

Присутствовавших на защите пригласил к себе
домой: банкетный зал спать не удалось. Но, несмотря
на размягчающую домашнюю обстановку, приглашен-
ные, действуя в духе своего времени, никакого плюра-
лизма не допускали: бокалы поднимали так едино-
душно, словно, не задумываясь, за что-то голосовали.
Когда все тосты были провозглашены и ничего не ос-
талось в бутылках, гости начали прощаться. Засиде-
лись немногие. Катя поняла: эти для мужа - свои, и
стала с любопытством слушать разговор. А они даже
в тесном кругу говорили с оглядкой, но все-таки дос-

таточно откровенно. Завертелись клубком занимаемые должности и претенденты на освободившиеся, служебные сплетни и злорадность, что кого-то распекали в центральной прессе.

Окончательно заскучав, Катя собрала со стола ненужное и ушла на кухню. «И как тебя не тошнит от них?» - спрашивал кто-то внутри нее. И в самом деле затошнило то ли от ничтожных разговоров, то ли от грязной посуды.

- Катюша, ну что же ты? - недовольным шепотом поговорил муж, появившись на кухне.

- Ты иди... я сейчас, - Катя выбросила в мусорное ведро остатки салата, мутившие нутро запахом майонеза, и вернулась к гостям, пересиливая тошноту.

С рождением дочки семейные отношения не улучшились. Если новорожденная малютка плакала ночью, муж хватал подушку и отправлялся спать в другую комнату на диван. Раздраженно оправдывался: «Мне завтра на работу, а ты сидишь дома». От бессонных ночей Катя валилась с ног, но муж дулся, если не успевала выгладить ему рубашку.

Может быть, сами того не сознавая, они в отношении друг друга доходили порой до полной нетерпимости. Случилось, что, убаюкав дочку, Катя прилегла и уснула. А муж, как нарочно, забыл взять с собой ключ и, возвратясь домой, долго нажимал кнопку звонка. Только услыша плач разбуженной дочки, Катя с трудом разомкнула веки. Слегка покачала кроватку и пошла открывать дверь. На сердитый вопрос - почему так долго не открывала? - ответила раздраженным вопросом - почему не берешь с собой ключ? И пошло - поехало... Дня не обходилось без стычки. А малютка закатывалась плачем - волнение кормящей матери передавалось ей.

Катя не выдержала - сбежала с дочкой от мужа. Очутилась в коммуналке. Слава Богу, соседи попались нескандальные. Как ни тесна была полученная комната, в ней Катя чувствовала себя гораздо свободнее, чем недавно в отдельной квартире. На время приехала мама, ставшая теперь бабушкой. Без нее пропала бы!

А жизнь стала наполняться радостными событиями: вот Настенька принялась улыбаться, вот пролепетала первое слово и, наконец, начала ходить, держась за руку. И вот уже коляска сдана в комиссионку, в ползунках и подавно отпала надобность.

Резвые ножки топают по тротуару рядом с Катей. А Настенькины кудряшки украшает такой пышный бант, что кажется, вот сейчас легкий порыв ветра поднимет девочку ввысь, как на воздушном шаре, и воспарит она над улицами и площадями, над купами деревьев и куполами древних церквей, над жерлами заводских труб и жертвенной Волгой с пассажирскими теплоходами, сухогрузами, танкерами, буксирами-толкачами и буксирами-тягачами, баржами, катерами, «ракетами», «метеорами» у причалов и на плесе. А потом колыхание воздуха осторожно опустит ее возле перепуганной матери, и Настенька скажет: «Ах, мамочка, мне снилось, что я летаю над нашим городом. Ты не представляешь, какой он большущий!» А Катя возьмет ее покрепче за руку, и они повернут к редакции.

- Подожди меня здесь, - сказала в вестибюле Катя, усадив Настеньку вместе с ее пышным бантом в кресло, и поднялась в отдел.

Вернувшись, дочку на месте не обнаружила. Выбежала, встревожась, на улицу. А там у дерева ее красавица - позирует, видите ли! И кто-то долговя-

зый, присев, навел объектив. А вот и улыбка: Настенька увидела Катю.

Щелк - и готово. Гоша прячет фотоаппарат в футляр, оборачивается и тоже расцветает в улыбке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Скрипнула дверь, и, приблизясь, заявил о себе голосок: «А я знаю, ты сказку придумываешь...»

Катя встает из-за стола, наклоняется и целует дочку.

Настенька любит слушать сказки, а по малолетству называет так все, что написано или напечатано. Газетные статьи тоже. Вероятно, считает их сказками для взрослых.

Сейчас отпуск. Катя вместе с Настенькой гостит в родном доме у матери и отца - у бабушки с дедом. А собралась написать не статью для газеты, а письмо Гоше. Сложно осуществить это: Гоша ждет не разговора о погоде в Крыму, а выяснения отношений. А погода солнечная, море спокойное и теплое. Единственная проблема, связанная с поездкой в Крым, осталась позади. Заключалась она в нехватке билетов на юг в летнее время. Многие ездили отдыхать на Черное море. Приходилось спозаранку занимать очередь в кассу, пересчитываться в обед. Хорошо, если в тот же день удавалось достать хотя бы боковые полки. Лучшие места забирала Москва, где периферийная Россия пересаживалась со своих северных и восточных поездов на поезда южного направления.

Провожая Катю с Настенькой на электропоезд «Ярославль - Москва», Гоша попросил, прощаясь: «Напиши мне из Крыма... Напишешь?»

2

Давно бы следовало написать Гоше, сознает Катя. Свободного времени достаточно. Мать не нагружает домашними делами: «Отдыхай в отпуске!» А сама то обед готовит, то пополняет угол веранды баллонами с вареньем. Этот с абрикосовым - дочка с собой возьмет. Сын предпочитает айвовое. Осталось два месяца до возвращения его из армии. Айва еще совсем зеленая - не отличишь от листьев. А через пару месяцев заявит о своей спелости шероховатой желтизной и таким душистым запахом, что не пройдешь, не оборотясь к отяжелевшим веткам.

Придя с работы, отец орудует шлангом в саду. А постоянная теперешняя забота у стариков - их внучка, с младенчества оставшаяся без родителя. И как-то сложится жизнь у Кати с ребенком на руках?

Настенька, едва проснувшись, спрашивает:

- А мы сегодня поедем на Волгу?

- Я же тебе объясняла: Волга - это река, а мы с тобой поедем на море... Давай-ка помогу одеться, а то опоздаем на автобус.

Кате, не любившей городского пляжа из-за людской скученности, приходилось мириться со своей участью. Не таскать же Настеньку на дикие камни, где берег круто обрывается, зато вода так чиста и прозрачна, что видны и водоросли, застывшие в глубине, и спящие в них стайки мальков, и солнечные блики на песчаных проплешинах. Здесь было место, когда-

то облюбованное Катей. Скинув сарафан, она устремлялась к воде и, немного помедлив, ныряла. Проплыв под водой и вынырнув, уплывала еще дальше и долго не расставалась с морем.

А теперь снова приходилось томиться на пляже, то сидя на лежаке, рядом с которым Настенька копалась в песке, то полоскаясь с ней на мелководье, взбаламученном купающейся публикой.

Катя не спускает с Настеньки глаз, боясь потерять в этом скопище тел. И, не дай Бог, убежит в воду и захлебнется, как недавно случилось с ребенком у одной зазевавшейся мамы. Катя беспокоится о своей дочке, а несколько преувеличенным вниманием к ней выказывает безразличие к зрителю. Он, этот зритель, стоит чуть поодаль и смотрит, не снимая темных очков, которые не только защищают от яркого солнца глаза, но и скрывают их выражение. Но Катя чувствует, что ее рассматривают. Вот нахал! Она оборачивается и уже не в первый раз замечает холеного красавчика лет этак тридцати.

Оказывается, зовут его дядей Костей. «А тебя? - обращается он к Настеньке. И, не дожидаясь ответа, подольщается к маме: - У вас прелестное дитя!» А прелестное дитя насупилось - не понравился дядя. Зато оживленное мамино лицо выражает обратное.

О чем они разлюбезничались? Можно подумать, что все для них стали невидимками.

- Мама... ну, мама, - напоминает о себе Настенька.

Дядя поощрительно улыбается:

- Бери за руку маму, и приходите к дяде Косте в гости...

И вместо того, чтобы отшить нахала или, наоборот, уступив натиску, назначить встречу, Катя зачем-

то начинает объяснять, что живут они не в самом городе, что автобус ходит не часто, что...

3

Ночью прошел дождь, и Катя с Настенькой на другой день остались дома: песок на пляже сырой, да и небо все еще затянуто облаками.

Настенька вертелась возле бабушки в летней кухне, а Катя села писать Гоше письмо. Но застряла на первой же строчке. Написала «дорогой Гоша» и переправила на «милый». Напрашивалось - «любимый», но Катя отвергла это невероятное обращение.

Письмо снова не получалось. Катя посмотрела в окно: облака уже рассеялись, высокая синева открылась над зеленью листвы, омытой недавним дождем. Зря не поехали на пляж! Костя, конечно, там. Ищет их с Настенькой или ждет, что они вот-вот появятся. Настроение испортилось. Катя спрятала в стол бумагу с конвертом и занялась уборкой в доме. Протирая после дождя окно, решала, виновата ли она перед Гошей. Но, собственно, в чем? Что между ними было? Гоша принес Настенькины фотографии, которые, как всегда у него, вышли такими живыми! А узнав, что на днях она с Настенькой уезжает отдыхать в Крым, пришел проводить на поезд. И вдруг, став очень серьезным и немножко смешным, предложил ей руку и сердце, как говорили в старину. Это произошло до того неожиданно, что она ничего определенного не ответила.

Протирая окно, Катя размышляла о Гошином сватовстве, но тут же вздохнула о пригрезившейся когда-то любви, такой недоступной.

4

Одевая широкополую соломенную шляпу, она задержалась перед зеркалом - осталась довольна собой.

На пляже неприметно поглядела вокруг - Кости пока еще не было.

Катя снимает с Настеньки сандали и достает из сумки ведерко с лопаткой. Настенька занялась песком, а Катя сидит на лежаке - ждет.

У берега, на мелководье, плещутся, натываясь друг на друга, и дети, и взрослые, точно дети. Другие - пробираются к воде, обходя загорающих на лежаках и подстилках, разостланных прямо на песке. А Кости все еще нет. Отрешаясь от пляжной сутолоки, Катя погружает взгляд в сизую дымку, где у самого горизонта вырисовываются силуэты сторожевых кораблей. Отношения моря и суши становятся романтическими, когда по выходным дням в городском саду подобно ромашкам расцветают белоснежные бескозырки. Получив увольнение на берег, моряки, наутюженные, начищенные, безукоризненные, завоевывают общее внимание и пленяют сердца.

Катя оглядывает залив, привычный, словно лицо близкого человека. Вон там, где над водой вьется множество чаек, там опущена рыболовная сеть. А вон там расположился на рейде морской танкер. До чего же громадный! Волжские, на которых бывала в рейсах, намного меньше. Катя рассматривает рубку танкера, представляет его машинное отделение, каюты, и чувство такой причастности к флотской жизни переполняет ее, что она становится чересчур общительной, пытаясь поделиться с курортницей, загорающей на соседнем лежаке, какое это огнеопасное

судно - танкер. Разомлевшая на солнце толстуха что-то цедит в ответ, и Катя, обидевшись, умолкает.

Но как скучно бездеятельное существование! В бессчетный раз они с Настенькой идут купаться и снова возвращаются на свое место. Солнце припекает все сильнее. Народу на пляже полно. Лишь Кости почему-то нет.

Во второй половине дня пляж начинает сворачивать подстилки, собираясь на обед. Катя ополаскивает Настеньку у берега и наклоняется, надевая на нее сандалии. А в этот момент какая-то резвая девица пробегает по кромке воды и обдает фонтаном брызг. Катя выпрямляется с Настенькиной сандалей в руке - устроившая фонтан уже далеко. Но за ней пробежал, не заметив Катю, и кто же?! Костя! Ревность кольнула прямо в сердце. Костя, нет, не Костя, а Козька! Тот вот так же гоняется за необгулявшимися молоденькими козами - сравнивает Катя своего недавнего ухажера с Козькой, поселковым племенным козлом. Размечталась! - негодует Катя. Как же! Ждет он их с Настенькой на пляже... Самоирония подействовала успокаивающе, словно купание в море.

5

Чуть свет собралась Катя на базар. Основное заказано матерью. Во-первых, подсолнечное масло местной маслобойни - свежее, духовитое. Во-вторых, арбуз, большой и сладкий - такие с Кубани привозят станичники. Для арбуза Катя снимает с гвоздя авоську и прячет в необъятную хозяйственную сумку. А в маленькую, где деньги, кладет письмо, наконец-то написанное Гоше. Отправит в городе - оттуда дойдет быстрее.

Иногда хотелось, чтобы Гоша был рядом. Ей доставляло удовольствие делиться радостями жизни, к тому же она гордилась Феодосией. Вокруг столько достопримечательностей! Так и виделся Гоша, наводящий на генуэзские башни объектив фотоаппарата. Вид у него такой сосредоточенный, словно вместе с древними башнями собрался, чужак, запечатлеть на пленке всю историю Феодосии - два с половиной тысячелетия! Катя улыбалась, представляя, как, идя по набережной, они с Гошей пытались бы укрываться от зноя в узкой тени то одного, то другого пирамидального тополя: тени хватает на два-три шага - и снова несколько шагов под неимоверным солнцем. Но даже зной не помешал бы задержаться перед памятником Айвазовскому у его картинной галереи, где бывала не раз. Летом вход в галерею заслоняют группы экскурсантов. Но среди всевозможных очередей, должно быть, только такая - не подавляет взгляда.

Размечтавшись, она мысленно переходила с Гошей из зала в зал, останавливаясь перед яростными штормами и полнейшими штилями, открытым морем и уютными бухтами, изображенными на полотнах. И конечно, Гошу взволновали бы наполненные ветром паруса военных кораблей Черноморского флота России. Можно ли не волноваться, если Айвазовский свое восхищение героическим флотом Отечества выразил в батальных полотнах не менее вдохновенно, чем Лермонтов свои патристические чувства в стихотворении о Бородинском сражении, а Блок - в стихах о Куликовской битве.

Кате нравилось воображать себя в роли экскурсовода; она жалела, что не позвала Гошу в Крым. Но вспомнив, что он сделал ей предложение, задумываясь, отложив окончательный ответ до возвращения в Ярославль.

Опустив в почтовый ящик ничего не обещающее письмо, Катя вздохнула с облегчением и отправилась на базар.

Базарная толчея в отличие от магазинной веселит, а не удручает: вызвана изобилием всего, а не ограниченностью. Но Катя проходит мимо прилавков: помидоры, баклажаны и даже привередливая в крымских условиях картошка - это у них свое, абрикосы и персики - тоже. Но все равно сумка стала тяжелой: в бутылке подсолнечное масло, купленное на базаре, а не доходя базара взяла в магазине полкило сыру и пачку мелкой столовой соли, незачерствелые, мягкие пряники и совсем случайно - сардельки, постояв за ними минут двадцать. Да мало ли чего ни выбрасывают на прилавок в центре города, а у них в пригороде сроду не продавалось.

Осталось купить арбуз. Она сразу увидела светло-полосатые с Кубани: лежат горой возле прилавка. Несколько - на самом прилавке. Один напоказ разрезан на два полушария: ярко-розовые с темно-серыми крапинками-косточками - десертный сорт.

Кубанец - выгоревшие русые волосы и такой загорелый, что перещеголял наехавших в Феодосию отпускников, - выбирает для Кати арбуз и водружает на весы.

- Надрезать? - спрашивает, не сомневаясь в своем выборе.

- Нет-нет, не надо, - доверяет симпатичная покупательница.

Если бы не гора арбузов рядом, так бы и вызвался донести до дому этот, вытянувший четыре с лишним килограмма.

А Катя покидает базар: в одной руке сумка с продуктами, в другой - арбуз, обтянутый авоськой.

6

Поставив свою ношу на землю, она ожидает автобус. Вечно на этой остановке толпа! Здесь разрешен проезд транспорта и растут обычные акации. А декоративные - красуются в стороне отсюда, рядом с развесистыми платанами и цветами на клумбах. Но и здесь, на улице, обойденной привилегиями, ощущается как легкий, как живителен воздух восточного Крыма. Сухое дыхание степи и предгорий смягчено близостью моря настолько в меру, что не чувствуется ни капли лишней влажности. Необычный воздух, неповторимый край! Не зря в здешних местах отдыхают со всего Союза.

А вот идут трое моряков. Судя по форме, все - с пассажирского либо с грузового судна, не военные. Катя выделяет одного из них и не верит своим глазам: да это же Лагунов! Она порывается к нему, но тут же одумывается: помнит ли ее? Да и что она скажет, что? А к остановке уже подошел автобус. Но сесть в него не удалось - столько набилось народу. А, может, и не очень торопилась уехать.

Едва автобус отошел, Катя оглядела улицу - тех троих нигде не было. Не обозналась ли - засомневалась она. Но память о прошлом опровергала сомнения. Да и почему бы не Лагунов? Ведь у его жены было что-то с легкими, а здесь такой воздух! Где, как не здесь, поджидать ей из плавания своего капитана.

Во второй автобус народу село меньше, и даже нашлось незанятое место у окна.

Катя смотрит в окно и вспоминает незабвенного Сергея Елисеевича. Но его черты затуманиваются и возникают другие, похожие. Катя содрогнулась, вспом-

нив своего бывшего мужа, этого оборотня. Чтобы избавиться от наваждения, принялась рассматривать пробегающие дома, а за городом, внизу за дорогой, - однообразные полосы виноградника. Вот полосы начали закругляться и превращаться в обручи - рядом с автобусом покатился огромный полосатый арбуз... Катя потрясла головой: до того умаялась, что задремала и чуть было не проехала свою остановку.

- Зачем же ты так нагроулилась! - встретила во дворе мать, забирая арбуз.

- Так ведь сама заказывала кубанский...

- А почему называется кубанский? - подросла с очередным вопросом Настенька.

- Потому что вырос на Кубани.

- На какой Кубани?

- На такой... в нашей стране...

- А мы тоже в нашей стране?

- Мы тоже в нашей стране.

- А страна?., а страна?... - вопрос не получался, Настенька даже лоб наморщила.

- А страна наша большая, - подсказала Катерина.

- Большая, как что?

- Ох, Настенька! Я устала...

Из водопроводного крана потекла вода сперва совсем теплая, потом посвежее - Катерина с наслаждением ополоснула лицо, вымыла ноги. Вошла в дом, поначалу ничего не различая со света. От солнца ставни в доме полуприкрыты, в нем по сравнению с улицей прохладно.

Отдыхая на своей узкой, еще прежней, девичьей кровати, Катерина думала о том, как подросла Настенька, и с горечью - о своих годах, не понимая, что она в самой поре женского расцвета.

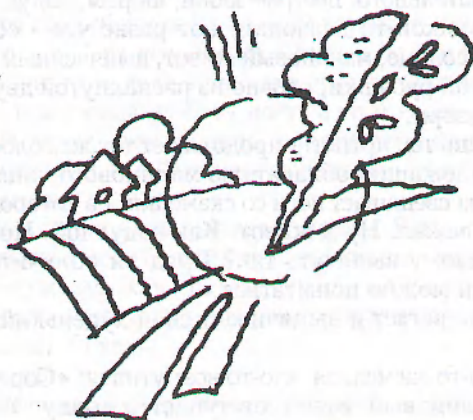
ЭПИЛОГ

Пожалуй, осталось совсем немного добавить к истории, которую я и собиралась поведать читателям. На феодосийских улицах Катерина нередко оглядывала прохожих, надеясь увидеть Лагунова. Но Лагунов или, возможно, кто-то напомнивший его больше не появлялся. Да и столько воды утекло после той, единственной встречи когда-то на Волго-Балте.

Молодость Катерины отчасти похожа на мою собственную, но позднее, уже в более зрелые годы, наши судьбы сложились по-разному. После того, как лично я окончила школу в Феодосии, а затем институт в Москве, я навсегда связала свою жизнь с Ярославлем. А Катерина впоследствии вернулась в Крым - вышла замуж за морского офицера. В феодосийском пригороде, как мне представляется, произошло следующее. Нагрянувший в один из выходных дней к соседям их неженатый сын, морской офицер, увидел Катю и полюбил с первого взгляда. Стройная, загорелая, в легком ситцевом сарафане, она направлялась каменистой дорожкой к себе домой. А моряку, вышедшему из соседней калитки, показалось - шла только ему навстречу. Он был коренаст, ничем не напоминал Лагунова, но его глаза излучали такое горячее чувство, что зажгли ответное... Впрочем, не знаю в точности, каким образом они познакомились. Но произошло это задолго до постыдного дележа Черноморского флота - как будто можно разделить пополам его былые подвиги!..

1994 - 1995

Разные небольшие истории

Совсем как на самом деле

1

- Открой-ка глаза, притворяшка! - говорит кто-то отнюдь не дружелюбно.

Сева открывает сначала один глаз, потом как бы в дополнение другой. Но и перед двумя - ничего примечательного: пестрые юбки, шорты, облупившийся нос какой-то девчонки; вот разве что - обгоревший на солнце, малиновый живот, выпяченный из расстегнутой рубашки, словно из распахнутой двустворчатой двери.

- Ишь ты, артист! - продолжает тот же голос, явно принадлежащий обладателю малинового живота.

Сева свешивает ноги со скамейки, на которой только что лежал. Ну и живот! Как надувной. Попробовать самому выпятить так? Вряд ли получится. Но все-таки можно попытаться.

Сева встает и выпячивает свой худенький животик.

Кто-то засмеялся, кто-то возмутился: «Сорванец!»

Малиновый живот отступает в толпу. А Сева, потеряв к нему интерес, смотрит на ярко-синее манящее море.

Собравшиеся расходятся.

И вот так всегда. И почему к нему пристают? Вот и сейчас ожидал маму, чтобы вместе отправиться на пляж. А мамы все нет и нет. Вот и улегся на скамейке позагорать, подложив под голову майку. А едва зажмурился от солнца - началось:

- Мальчик, пора просыпаться...

- Он, что же, здесь ночевал?

- У него обморок?!

До чего надоедливые!.. Может, все-таки отстанут? Но тут-то и привязался этот, толстопузый.

А мама все не идет. Они с мамой устроились на территории пансионата. Путевок у них нет. Они снимают койки в домишке у тети Нади, которая работает в пансионате вахтером. Взяла она с них недорого: по средствам для них.

Между тем солнце припекает все сильнее. Только и осталась тень сбоку асфальтовой дорожки, под кустами туи, где Сева усаживается прямо на земле. Перед глазами то и дело мелькают чьи-то босоножки, сандали, шлепанцы на босу ногу, а то и вовсе босые ступни. И вдруг - четыре лапы с лохматыми манжетами. Ну, конечно, это Фантик - пудель на поводке.

- Фантик...

Пудель нехотя поворачивает морду. Весь его вид - от кончика носа до помпона на кончике хвоста - выражает скуку. Как его расшевелить? Единственный способ - встать на четвереньки и залаять, что и проделывает Сева:

- Гав, гав... гав.

Пудель вздрагивает, словно очнувшись, и отвечает залиvistым лаем. Поводок натягивается.

- Перестань дразнить собаку!.. Фантик, успокойся!

Фантик продолжает залиvistо лаять, и снова собираются зрители.

Но тут появляется мама и берет Севу за руку: «Пошли-пошли...»

На пляже народу полно. Но для них занял лежачки Игорь Иванович. Он расположился рядом, а его Аня - уже в море.

- Ну что? Продолжим? - предлагает Игорь Иванович, - он учит Севу плавать.

Миновав мелководье, переполненное купающимися, они достигают свободного пространства, и начинается обучение. Когда урок оканчивается, Игорь Иванович уплывает еще дальше, а Сева поворачивает к подводным камням, где растут водоросли.

Лоскуток ярко-зеленой морской капусты похож на затейливый воротник; например, у царевича из сказки. А из этой длинной коричневой водоросли вполне получится пояс...

- Эй, Сева, что это ты облепился, как водяной? - задирается знакомый акселерат из корпуса через аллею от их домишка.

Севин царевич снисходительно прищуривается: на себя бы посмотрел! У самого на шее болтается ракушка на нитке. И Сева, обходя загорающих, пробирается к своему месту.

- Да ты весь посинел, опять перекупался! - волнуется мама, набрасывая ему на голову и плечи полотенце.

И забыто столкновение с долговязым. Полотенце стянуто под подбородком:

- Мама, глянь: я - бабушка в платке.

Мама только головой качает, привыкшая к его выдумкам.

После купания возвращается Игорь Иванович и садится на лежак рядом с ними и Аней.

Игорь Иванович седой, на лице морщины. А его Аня совсем молодая и такая красавица! Глаза серые, а ресницы черные и густые-густые.

Когда Игорь Иванович и Аня под руку проходят по набережной, многие провожают их взглядом.

Гадают: муж это с женой или просто так... Сева сам слышал эти разговоры. Хочешь - не хочешь, а чего только не услышишь на набережной, где они с мамой бывают перед вечером. Мама, как и другие художники, раскладывает здесь свои рисунки. Иногда их покупают.

Как-то раз, когда выдался пасмурный день и не хотелось купаться, мама, усадив на пустующий лежак Игоря Ивановича и Аню, раскрыла альбом и нарисовала их вместе. Получилось, как в жизни. И дураку понятно, что это отец с дочерью.

2

Торчать целыми днями на пляже Севе надоедает, да и маме тоже. Они с мамой обошли все здешнее побережье, любуясь его красотой. А там, где пройти нельзя, где обращены к небу или смотрят в море обветренные лица этих древних гор восточного Крыма, там доступно разгуливать только фантазии.

Нередко, забывая каменных великанов, Сева общается с гномиками. Они появляются то в обличье строптивого кустика, одетого в сизые колючки, то в виде узловатого корешка, выглядывающего из расщелины. А иногда это и вправду всего лишь полынь, что подтверждает неподдельный терпкий запах.

В первый вечер их приезда в курортный поселок Севу больше всего поразил легкий звон, разлитый вокруг. Ничего такого, что могло бы издавать его, казалось, не было поблизости. Но, может быть, сам крымский воздух, вобравший в себя и вздохи дремотного моря, и шорохи суховатых трав

побережья, издавал таинственные звуки? Или это звенели серебряные листья маслин, растущих и тут, и там? А может, от полноты впечатлений это лишь мерещилось? Сева зажал уши ладонями - ничего вроде бы не слышно, раздвинул ладони - тонко, но явственно звенит вокруг.

- Мама, что это?

- Цикады, сынок...

Как ни хотелось Севе увидеть хотя бы одну из бесчисленных исполнителей вечернего звона, это ему долго не удавалось. Бабочки, стрекозы, кузнечики, даже ящерицы - эти часто попадались на глаза. А цикады оставались невидимками. Но вот в одно из посещений ближнего взгорья Сева наконец увидел цикаду. Правда, ее отыскала мама. А Сева гонялся за кузнечиком, который удирал от него, прыгая с бугорка на соседний кустик, с кустика на другой бугорок. Было так привольно: ни от кого никаких замечаний!

Кузнечик куда-то пропал, а Сева побежал к маме, но, не добежав, остановился: мама набрасывала в альбом рисунок. Значит, она отыскала что-то интересное. Сева тихонько приблизился. Это было что-то величиной с мизинец, продолговатое, с большими слюдянистыми крыльями, сидевшее на сухом стебле. Так Сева впервые увидел цикаду, вскоре затрепетавшую на золотистом мамином рисунке.

Когда мама решила продать рисунок, Сева протестовал: «Не надо, мамочка! Зачем?» Но денег почти не осталось. Еще ладно - обратные билеты куплены. А надо что-то взять в дорогу. В вагоне другим детям будут давать и персики, и груши - расстраивалась мама. Но ведь Сева по-

нимает, что денег у них нередко и дома не хватает даже с отцовскими алиментами.

Мама маленькая и хрупкая, с девчоночьей челкой над тонкими бровями, но если она приняла решение - оно окончательное. Вздохнув, она присоединила и этот рисунок к предназначенным для продажи.

На набережной мамина «цикада» среди многочисленных «морских пейзажей» сразу привлекла внимание публики. Одна из женщин даже вспомнила бунинские стихи про «золотого сухого шмеля».

- Ха!.. Нашла шмеля! Это же - муха, - отозвался, видимо, супруг. Он поворачивается и уходит; женщина семенит следом.

- Ах, какой прелестный рисунок! Это кто же нарисовал? Ты? - обращается загорелая дама к Севе, стоящему рядом с мамой.

- Это какой-то карапуз нарисовал, - нашелся Сева.

Дама, уловив иронию, пожимает плечами. Покупательница потеряна. Но рисунок принялись обсуждать другие ценители прекрасного. В заключение его приобрел молчаливый человек, подошедший позднее многих.

А персики и груш они купили столько, что и ящик домой наполнили и на дорогу взяли. А оставшееся мама положила на тарелку и сказала Севе и хозяйкиной дочке Кате: «Отведайте-ка!» Но Сева так огорчен продажей рисунка, что сладкая груша, которую он надкусил, показалась горьковатой. Он даже поморщился.

- Червяка, что ли, проглотил? - фыркнула Катя.

Хорошо, что мама, занятая чемоданом, ничего не заметила. Не хотелось бы Севе испортить ей настроение.

3

На перроне волнуются: время истекло, а состав еще не подан. Поезд дополнительный; наверное, поэтому запаздывает.

Сева, как обычно, рядом с мамой. Она держит, прижимая к себе, этюдник, завернутый для сохранности в целлофан. У ног ее - ящик с фруктами. У Севы за спиной рюкзак. А еще у них чемодан.

- Я силач! - возглашает Сева и обеими руками отрывает чемодан от земли.

- Какой славный мальчуган! - умиляется женщина, окруженная багажом. - Сколько же тебе лет?

- Шесть, - отвечает Сева, хотя ему скоро восемь.

Он приуменьшил свой возраст только потому, что ему надоело вечное сочувствие: ох, какой же ты нерослый!

Но уже никто не обращает на Севу внимания - подали состав. И что тут началось! С вещами в руках, на плечах, за спинами пассажиры, толкая друг друга, ринулись на посадку. Севе с мамой повезло: их вагон остановился прямо перед ними. Какой-то парень подхватил их чемодан и внес в тамбур, чтобы не мешался под ногами. Но кто-то напирает сзади. Севе не видно, что это толстопузый пристава с набережной. Он держит в объятиях здоровенный ящик с грушами и продвигается вперед, словно бульдозер.

- Куда прёшь!.. Мальчишку раздавишь! - осаждает рассерженная проводница и помогает Севе подняться с низкой платформы в вагон.

Поезд трогается. За окном замелькали ветки акаций. Сева машет акациям: до свидания, до свидания... до свида-а-ния...

1989

Очаровательные глазки

Кого же все-таки напомнило ее лицо, а точнее, не вообще лицо, а выражение удовлетворенной алчности, затуманившее небесную голубизну Милочкиных глаз? - мучилась Марьяна, но никак не могла вспомнить. Где-то в глубине сознания сидело, как заноза, навязчивое представление о таком же выражении глаз. Но чьих? - пыталась Марьяна вытащить «занозу», вынимая между тем из письменного стола свои тетради. Поколебавшись, одну из них, ту, в которой записывала наиболее сложные обороты древнерусской речи, положила обратно: пригодится Милочке в работе. Над незаслуженной обидой восторжествовала широта натуры.

Марьяна сокрушалась, что с водворением Милочки она не сможет приходить сюда, как прежде, когда здесь работал только Николай Егорович, сочетая в своих обязанностях и заведующего отделом, и научного сотрудника. А Марьяна, недавно окончившая историко-архивный институт, работала пока что по договору внештатно. Штатная должность научного сотрудника отделу древних рукописей была обещана вышестоящей инстанцией, и Марьяна ожидала обретения постоянного права прикасаться к древнейшим книгам с красочными искусными заставками, с четкими буквами устава и полуустава или вчитываться в стремительную скоропись более поздних веков. Иногда вместе с Николаем Егоровичем они определяли по выносной, летящей над словом букве время составления грамоты с точностью до десятилетия, спора при этом. Николай Егорович наклонял над

грамотой ежик седых волос и фыркал, уже совсем как еж. Однако был доволен, что такую оппонентку послала ему судьба. А перед отпуском он зашел к директору архива, и замещать его осталась Марьяна. Со спокойной душой Николай Егорович покинул на месяц свой отдел.

А когда узнал о произошедшем в его отсутствие, снова пошел к директору. Настойчивость Николая Егоровича вызвала на лице директора сладкую улыбку. Он принялся объяснять, что и Марьяна не останется не у дел: с переводом Милочки в отдел древних актов освобождается должность в читальном зале - ударился директор в казуистику, как будто не понимал, о чем идет речь. Петляя вокруг и около, нашел-таки аргументик: мол, Марьяна не возражала против такого перемещения. Умолчал, однако, какой неожиданностью была для нее эта «рокировка» в его игре кадрами. Но помогли верткому директору не только неожиданность его «хода» и растерянность Марьяны. Увы, на руку ему сыграла глубокая, до самозабвения, увлеченность Марьяны древнерусской письменностью, обернувшаяся положением, когда о ком-то говорят: мол, не от мира сего.

Возвратясь от директора, Николай Егорович обрушился на свою любимицу:

- Как же так получилось? Вы уступили этой, этой ... свиристелке свое законное место! Оно же и по праву, и по вашим знаниям и способностям ваше!..

Николай Егорович, при всей своей учености, был человеком решительным и отнюдь не собирався отступать перед шкурничеством, если называть вещи своими именами. Марьяна в ответ только вздохнула и виновато опустила голову.

Возле раздевалки она заметила Милочку, стоящую перед зеркалом. Милочка тоже заметила ее отражение, промелькнувшее в зеркале, и обернулась. Марьяна ожидала снова увидеть в голубых глазках выражение, озадачившее ее, но они смотрели невинно в серые и такие темные от густых ресниц глаза Марьяны, что взгляд их мог показаться, а может, и был сумрачным в эту минуту. И Милочка свалила все на директора. Она ведь тоже не в восторге от случившегося. Куда как весело разбирать каракули дьячков - путала Милочка служителей церкви с подьячими, свершавшими свой кропотливый труд в учреждениях древней Руси - приказах.

Милочка лукавила лишь отчасти. Она действительно была более чем равнодушна ко всяким там ветхим свиткам и выцветшим грамотам, которыми так восхищалась эта растяпа Марьяна. Впрочем, Милочке было все равно, где скучать. Она сдерживала зевоту, принимая в читальном зале заказы от посетителей. А шифры архивных фондов не пробуждали в ней даже простого любопытства. Она кое-как окончила педагогический институт. В школах не оказалось вакантных мест - не ехать же в село! И папа устроил ее в архив. Милочке было все равно, в каком отделе скучать. Но кто же отказывается от прибавки в зарплате, даже получая субсидии от родителей! На днях директорские очки, сияя, глянули в голубые Милочкины глазки: ухватил-таки возможность угодить высокопоставленному папе, хотя тот ни на чем не настаивал, видя в архиве временное пристанище своего чада. Но само чадо не собиралось отказываться от новой должности. И хотя зарплата в архиве и у научных сотрудников маленькая, у Милочки в читальном зале и вовсе - словно придумана для никудышек вроде нее.

И вот Марьяна ломала голову, вспоминая, чей облик проглянул в Милочке в ту минуту, когда директор, вызвав их обеих, объявил о своем решении, и никак не могла вспомнить.

А для этого потребовалось лишь, чтобы в трамвайной давке кто-то, встав рядом, продолжал толкаться. И Марьяна вспомнила обо всем по дороге домой. И в тот раз народу набилось битком. Она с трудом достала из сумки кошелек, чтобы оплатить проезд. А едва успела положить кошелек назад и застегнуть сумку - трамвай качнуло. Марьяна, вскинув руку, ухватилась за поручень. И тут какая-то старуха начала толкаться и прижиматься так, что сумка, висевшая у Марьяны на плече, давила бок. Марьяна попыталась поправить ее, но внимание отвлек придвинувшийся вплотную щуплый очкарик, похоже, спутник старухи.

Через остановку, у заводской проходной, многие вышли и даже освободилось место возле Марьяны. Она уже хотела сесть, но рядом заметила эту же старуху, с виду довольно противную и не только из-за красно-сизого носа. И все-таки Марьяна уступила ей место.

- Да я скоро слазию, - сказала старуха, прежде чем усесться, и Марьяну поразило выражение удовлетворенной алчности, разлитое в ее глазах, когда-то, должно быть, небесно-голубых, как у Милочки, а теперь мутных, словно блевота.

Лишь дома Марьяна обнаружила, что кошелек из сумки исчез. Она тут же вспомнила, как прижималась к ней старуха, вдавливая сумку в бок.

- Уступила место воровке! - поняла Марьяна.

1990

Мы и они

В конце концов они совсем обнаглели. А сначала появлялись только ночью, поэтому о них мы догадались не сразу. Как-то днем одного увидел Вовка и, убив, забыл об этом - убежал гонять в футбол. Но вскоре подала сигнал тревоги угловая Анюта: привычно открыла свой висячий посудный шкафчик и, вздрогнув, уронила блюдо. Блюде не разбилось, а завертелось волчком и закатилось под стол Оксаны, соседки, с которой Анюта вот уже месяц не разговаривала. Чернобровая, полнотелая Оксана, как раз крошившая у себя на столе капусту, проводила блюдо холодным взглядом и снова принялась за дело, заслонив подступы к своей суверенной территории. Анюта изогнулась, пытаясь дотянуться до оброненной посуды, но у нее ничего не вышло. Тогда поднялся с табуретки дядя Коля, сохранявший в коммунальных распрях нейтралитет. Он достал веником заблудившееся блюдо и протянул Анюте: «Гляди-ка - целехонько!»

Прочность блюда отвлекла наше внимание от всего остального. Мы разглядывали его, словно это было золотое яичко. Но через минуту интерес иссяк. Мы вернулись к собственным блюдам, тарелкам, кастрюлям. Анюта же застыла на месте, не решаясь приблизиться к своему шкафчику.

- Да ты чего? - заинтересовался дядя Коля, снова усевшись на табуретку.

- Вон там, - кивнула Анюта на распахнутые дверцы, - большой, усатый...

Дядя Коля хмыкнул: разыгрывает!

Анюта ничуть не разыгрывала, а дядя Коля был посрамлен. Ночью он вышел на кухню покурить - видно, не спалось. А едва включил свет - от неожиданности ругнулся: ё-моё! Схватив подвернувшуюся под руку поварешку, принялся колотить по столам, табуреткам и даже по стенам - разбудил всю нашу коммуналку. Женщины, кто накинув халат, кто прямо в ночной рубашке, а мужчины в трусах отнюдь не спортивного покроя выскочили на кухню. Обступив дядю Колю, жаждали растерзать его.

- Ох, сколько их тут! - ужаснулся дядя Коля.

- Кого это их? Где?

- Да попрятались, проклятые...

Они продолжали нагнать и все чаще появлялись при свете дня, коричневые, усатые. И невероятно юркие: стоило шевельнуться - моментально вползали в какую-нибудь щелку. Они не только появлялись, но вдобавок мерещились повсюду. Весь передернулся и перестал оказывать внимание Оксане женолюбивый сосед Костя: показалось ему, что из-под воротника ее новой кофточки выползло что-то коричневое, хотя он тут же распознал родинку, которая при других обстоятельствах могла бы даже понравиться. Теперь только Вовка, как всегда, уплетал щи и убегал на футбольную площадку. Остальные, прежде чем начать есть, пристально всматривались в тарелки. Спасаясь от них, мы подвешивали целлофановые пакеты с хлебом на бельевую веревку, протянутую в кухне.

Поначалу мы боролись с ними каждый сам по себе. Не помогало. Исчезнув в одном месте, они еще в большем количестве появлялись в другом. И тогда мы объединили усилия. Опрыскав кухню тошнотвор-

ным веществом и подоткнув тряпку под дверь, перекрывая таким образом путь к бегству, мы впервые всей коммуналкой отправились гулять в парк. Был выходной день, стояла отличная летняя погода. Мы старались не вспоминать о них и наслаждаться прогулкой. Но в наших отвлеченных шутках и смехе было что-то лихорадочное. Всех изводил затаенный мучительный вопрос: одолели мы их или нет?

Часа через три мы вернулись из парка - кухня напоминала поле отгремевшего сражения: они валялись на полу, на столах, на подоконнике. Некоторые еще шевелились в агонии.

Наш дом был старым, мы избавились от них лишь на время. А потом из глубины каких-то невидимых щелей они стали появляться снова. К счастью, дом пошел на слом. Мы разъехались. Но случай нет-нет и сводит нас то в очереди в магазине, то в толпе на автобусной остановке. Мы искренне радуемся встрече и вступаем в разговор. А кто-то неизменно выставляет два пальца и шевелит ими у себя перед носом, изображая усы: а помнишь их?

1993

Санькино горе

Подобная история могла произойти и раньше. Но именно эта случилась уже после того, как хозяин черного Маркиза пересел с должностной «Волги» на собственный «Мерседес». Некоторые завидовали даже Маркизу. О том, что он плут и ворюга, знала разве что ручная сорока, прижившаяся в дачном поселке. Ведь мнение окружающих нередко зависит от того, насколько кто-то умеет себя преподнести. А черный Маркиз что-то, а преподнести себя умел. Он брезгливо обходил лужи, остававшиеся после нерадивого поливания клумб, а гладить себя позволял только хозяевам, останавливая острыми коготками нежелательную руку, протянутую к его блестящей, совершенно черной шерстке. А если кто-нибудь из гостей, съев за столом кусок жареной курицы, бросал ему подгоревшую кожицу, он как бы нехотя обнюхивал ее и отходил прочь. «Благородное создание! - умилялась хозяйка. - Воздухом питается».

Хозяйка не догадывалась, а возможно, притворялась, что не догадывается о проделках кота. Он открыл для себя лазейку на близлежащей птицеферме. А так как на ней из-за плохого ухода цыплята дохли без счету, кошачий разбой оставался незамеченным и безнаказанным. Злополучные цыплята окончательно перевелись, не выдержав конкуренции с заокеанскими куриными окорочками, и вороватый кот заскучал. Он слонялся по крышам соседних дач: аппетита не возбуждал запах вареной картошки, а тем более - малосольных огурцов. И вдруг почуял:

жарят котлеты - наконец кому-то на работе выдали зарплату! Кот начал спускаться на краешек крыши. А в это время бабушка принесла и поставила на стол тарелку с котлетой на ломтике хлеба да стакан компота для внука Саньки, бегавшего где-то. Старушка ушла, а на створке окна, распахнутого в палисадник, продолжала сидеть сорока. Однако ощущение опасности заставило ее взлететь: откуда-то с крыши сорвалась черная «молния» и исчезла внутри комнаты. Назад «молния» выскочила с котлетой в зубах. Не успел Санька появиться, как сорока села на подоконник и принялась стрекотать, обличая исчезнувшего вора. Но тараторила сорока на своем сорочьем языке, и Санька ничего не понял, кроме того, что она очень взволнована. «Ну что ты расшумелась!» - проговорил он, запив компотом корочку хлеба.

Санькины родители работали на заводе в городе. Они уезжали, оставляя на даче бабушку, Саньку и ручную сороку. Маленький Санька подобрал ее на лесной опушке, вероятно, выпавшую из гнезда. «Пропадет, должно быть», - вздохнула бабушка, заглянув в коробку, куда внук поместил найденыша. Санька тоже вздохнул и пальцем коснулся клюва. А клюв широко раскрылся и раздался писк голодного птенца. Намочили в компоте несколько хлебных крошек - птенец проглотил и запросил еще. Что это сорока, догадались сперва не по оперению, которое еще не приобрело черной с белым нарядности, а по голосу, становившемуся все более трескучим.

Первое время сорока не только не умела летать, но, как видно, не подозревала даже, что она не человек, а птица. Она бегала по двору, словно куда-то

торопясь. А если Санька ставил на землю миску с водой, забиралась в нее и так плескалась, что брызги летели во все стороны.

Однажды низко-низко над двором пролетела ворона и привлекла внимание забавницы. Подражая вороне, она замахала крыльями и очутилась на крыше сарая. Снимать оттуда летунью пришлось Саньке. На другое утро она уже сидела на верхушке клена. Санька посвистел - она слетела к нему на плечо и принялась клевать металлический значок, приколотый на рубашке. А вот клевать пищу сорока не умела. Ожидая кормежки, она открывала клюв и верещала, как в раннем детстве. Такая инфантильность была результатом неправильного воспитания: ее чересчур опекали. И Санька решил заняться ею серьезно - птица должна научиться добывать себе корм! Он отыскал в огороде гусеницу и положил на подоконник перед сорокой. Ярко-зеленое ползущее насекомое произвело на нее невероятное впечатление: она попятилась и, забыв, что умеет летать, свалилась с подоконника на пол.

Успокоился Санька лишь несколько дней спустя, увидев ее клюющей что-то съестное. Но чем взрослее становилась сорока, тем чаще жаловались на нее соседи: то у кого-то склевала малину с верхушки куста, то оставила пятно на простыне, развешенной во дворе. В довершение - набедокурила в одном из домов.

- Залетела, чертовка, и перевернула внучкину парфюмерию вверх тормашками, - кипятился хозяин, неожиданно представ перед бабушкой с внуком.

Соседа не смягчили никакие извинения, он ушел, хлопнув дверью. После его ухода бабушка и Санька

решали и так, и этак, а приходили к одному выводу: надо вернуть сороку в ее родной лес.

Свою любимицу Санька выпустил неподалеку от лесной тропинки. Сорока взлетела на ветку и застрекотала. Она, конечно, решила, что для нее устроили чудесную прогулку. Вокруг и правда было чудесно. Листья на деревьях давно набрали летнюю силу, а солнечный свет, проникая между ними, играл с землей в пятнашки. Но Санька, ничего не замечая, печальный возвращался на дачу. Весь день он поглядывал в сторону леса, словно чего-то ожидая. А ночью ему приснилась сорока. С ней что-то стряслось: беспомощная, она сидела в траве, похожей на ту, в которой он нашел ее крохотным птенцом. Санька и сейчас страстно желал спасти ее, но почему-то ноги не слушались, и он уходил от нее все дальше. Увидев, что она покинута, сорока выбралась из травы на тропинку и засеменила за ним. Наконец догнала и больно клюнула в пятку... Санька подобрал ногу, выпростанную из-под одеяла, и проснулся: у него в ногах сидела сорока.

Недолгой была радость. «Ну, подумай, милый, - убеждала бабушка, - ведь не станешь держать ее в клетке...» И решили снова отнести сороку в лес, но на этот раз как можно дальше, чтобы не прилетела назад.

А пока что Санька привязал ее тесемкой к ножке стула. Оставшись одна, сорока занялась узелком, затянутым у нее на лапке. Под острым клювом он уже начал ослабевать, как вдруг на подоконник вскочил черный Маркиз и ощерился, увидев сороку. Она взметнулась, но тесемка потянула вниз. Это раздра-

нило кота. Он припал на лапы, напряжился и ... прыгнул.

Не больше чем на минуту опоздал Санька. Захваченный на месте преступления, кот мелькнул перед глазами и выпрыгнул в окно. Санька бросился к сороке. Она слабо встрепенулась - у клюва вздулись кровавые пузырьки. Не слушая, что говорит бабушка, Санька выбежал со двора. Прижимая к себе еще теплое тельце, он бежал мимо дачных домиков к коттеджу, недавно воздвигнутому в поселке. Санька и сам не знал, зачем устремился туда, и только всхлипывал на бегу.

Он не смог дотянуться до звонка и принялся стучать в запертую железную калитку.

- Чего тебе? - спросил охранник, отворив ее.

- Где тут у вас черный кот? - и не дожидаясь ответа, Санька прошмыгнул под оттопыренным локтем и помчался по дорожке, обсаженной декоративными кустами.

На террасу из глубины просторных комнат вышла холеная дама. Снисходительно выслушав непрошеного гостя, удивилась:

- Ты о Маркизе? Он у нас и курятину не ест - зачем ему твоя сорока?

А черный Маркиз, выгибая спину, терся о ноги хозяйки и жмурил свои сытые изумруды.

Санька растерялся: не обознался ли он? Может, какая-то другая кошка погубила его птицу? Но разобраться в этом ему предоставлялось уже за пределами шикарного коттеджа.

1997

Я слышу его...

(о короткой жизни Антона Марченко)

* * *

Посвящается Антону

Помню южного лета цветы
И тропинку, идущую в гору,
Как носился за бабочкой ты,
Отдаваясь земному простору.

Помню дерево там, наверху,
На которое ты забирался.
Высоко на корявом суку
Что за птицу найти собирался?

Как потом возвращались назад,
Крутизной обдирая подошвы...
Обращаю в прошедшее взгляд -
Там тропинка и первым идешь ты.

До плеча мне - уже не малыш -
И совсем золотой от загара...
Улыбнешься лишь и промолчишь,
Мы теперь для прогулок - не пара!

Но недаром на склонах цветы
Пламенели в ушедшем июле.
Я встаю, поднимаешься ты -
До плеча твоего достаю ли?

1983

* * *

Если бы Антон был моим сыном, а не всего лишь племянником, я все равно не смогла бы любить его больше, чем любила. Я и сейчас словно вижу его. Вот смотрю в окно, ожидая его: он должен приехать ко мне в Ярославль из Нижнего Новгорода. Внизу, за окном трамвайная остановка. Антона замечаю сразу: из переполненного трамвая выходит, как всегда, никого не толкая. Стройный, с благородной осанкой. Вот шагнул на тротуар, и я спешу в прихожую. Открываю дверь, не дожидаясь звонка.

- Как тут жила? - спрашивает. И я что-то отвечаю, как будто в этот момент для меня важно, как я жила. Теперь вот думаю: надо было бы побольше допытываться, как ему самому живется. Но я боялась показаться навязчивой. А сам он о своих бесконечных житейских невзгодах говорил редко и как бы мимоходом. Эдакий гордец!

А судьба не щадила. Мать у него умерла, когда он еще учился в школе, отец - едва успел он окончить институт. В Нижнем Новгороде, тогда еще Горьком, где он родился и жил, от родителей осталась трехкомнатная квартира. Она перешла Антону и его старшей на четыре года сестре Юлии с мужем и сынишкой. Антон обитал в маленькой комнате в обществе своих любимых книг. И хотя он окончил политехнический институт, по специальности, связанной с конструированием атомных подводных лодок, круг его интересов не замыкался на инженерной профессии. Он всерьез интересовался историей и отечественной, и зарубежной. Увлекался античностью. А историю Крыма, особенно восточного

с Феодосией, знал досконально. Еще бы не знать! Ведь именно Феодосия была родиной его отца. Здесь в раннем детстве и в школьные годы Антон и его боготворимая сестренка Юля вместе с их бабушкой, а нашей с братом матерью, проводили лето. Антон говорил, что испытывает ностальгию по Крыму, если долго не бывает здесь. Однако это не убавляло его любви и привязанности к Нижнему Новгороду. Он гордился родным городом, стоящим на слиянии двух великих рек - Волги и Оки - и считал Нижний Новгород третьей столицей России (после Москвы и Санкт-Петербурга).

Однажды Антон подарил мне блокнот с переписанными в него своими стихами. В то время он учился в школе, и стихи его отличались полудетской наивностью и таинственностью, почерпнутой из фантастических книг. Было трудно решить: продолжит ли он писать стихи в будущем и если да, то - какие? Однако с годами увлечение его окрепло, а стихи стали намного совершеннее. Исчезла скованность, обычно присущая стихам начинающих авторов, но сохранилась искренность строк. Нередко и теперь стихи Антона были проникнуты мрачноватой романтикой, но уже не заимствованной из книг, а присущей его собственному мироощущению.

Вот некоторые из его стихотворений.

* * *

Я храню половину луны
В запорошенном снегом берете,
Собираю приметы весны
И гадаю на старой монете.
Раз подкину, и ляжет орлом,
А другой раз так выпадет решка.
Я остался с метелью вдвоем,
И зимы неизбежная спешка
Налагает подобие снов
На все мысли, дела и поступки.
А мосты из обиженных слов
Ненадежны, болезненно хрупки.
Я их строить давно перестал,
Все трудней до тебя добираться.
Только Бог знает, как я устал
Постоянно с тобой расставаться.
Одеваю берет набекрень,
Полнолуние отдано снам,
И земная, тяжелая тень
Больно режет меня пополам.

Я слышу шум волны
И ветра вой суровый.
А если паруса
Его не сдержат шквал?
А если это бред -
Мой чудный берег новый,
А если там сейчас
Встает девятый вал?
Вот в гавани покой
И штиль за волнорезом.
И можно, не боясь,
Ругать царя морей.
Будь проклят этот царь
С трезубчатым железом,
Которым потопил
Он столько кораблей.
И, может, мой корабль
Потопит, не жалея,
Одним движеньем лишь
Трезубца своего.
Ведь кто я для него?
В созвездье Водолея -
И там уж воду льют
На колесо его.
Так что же -
Плыть иль нет?
Иль только петь об этом
Во славу в глубине
Почивших храбрецов?
Прости меня, корабль,
Что сделался поэтом
И слишком поддаюсь
Очарованью слов.

* * *

Свободен в гордости своей,
Я от судьбы не жду оаций.
Мне предначертано скрываться
За суетой обычных дней.
Но вижу я сады царей
В осенней тяжести наряда,
Живой отросток винограда
Цепляется за стену дней.
И вновь по мраморным ступеням
В текущей мимо тишине
Легко спускаюсь, как во сне,
Чтобы припасть к твоим коленям.
Сквозь древних арок высоту,
Колонн отчетливую строгость,
Преодолев души убогость,
Я каждый день к тебе иду.
В багряном умиранье дня,
Там, у стены непониманья,
С улыбкой скуки созерцанья,
Покорная, ты ждешь меня.
И я сжимаю твои руки,
Холодные, как глубь морей.
Ты изваянье моей муки
Из камня памяти моей.

* * *

Над Окою стоит туман
И над Волгою пелена.
Постоянство страстей - обман,
И не наша в этом вина.
Все слова теперь - как вода,
Хочешь пей, хочешь вылей в ночь.
Усмехается мне беда -
Что ж, смеяться и я не прочь!
Я свободен и горд опять,
Новых радостей жду и встреч.
Научился уже терять,
Никогда не умел беречь.
Посветлеет простор Оки,
Волга вымоет светом даль.
Но над Нярисом*, вдоль реки,
Будет долго бродить печаль.

* Река в Литве.

Волокуши

Свет глаза мне режет,
Звук терзает уши.
Слышу мерзкий скрежет -
Тянем волокуши.
Нету силы к бегу,
В лямках наши души.
По гнилому снегу
Тянем волокуши.
Чтоб не слышать крика,
Чтоб не чують вони,
Мы поём до хрипа
И трубим в ладони.
Нас взнуздали ложью
И нетленным прахом.
Я б рванул, да вожжи
Натянулись страхом.
А над нашим стоном
Слышен клич к народу:
- Я святым законом
Вам дарю свободу!
Это голос Божий.
Бог не в наших душах:
Крепко держат вожжи -
Оп на волокушах.

Антон уже начал работать в Нижнем Новгороде по своей инженерной специальности, когда после распада Советского Союза нахлынули социально-политические перемены. Не заставила ожидать себя безработица. Но если человеку двадцать пять лет, как было в это время Антону, и он наделен творческой энергией, надежды на лучшее будущее не могут рухнуть навсегда. Свои надежды после мучительных раздумий и поисков Антон связал с одной из достопримечательностей восточного Крыма - с Лисьей бухтой. Когда-то, еще в школьном возрасте, он вместе со мной побывал здесь. Как и другие экскурсанты, мы добрались сюда на прогулочном катере. Перед нами открылась прямо-таки бесподобная картина. Изумрудно-прозрачная, чистейшая вода у небольшого плато, казалось, освежала уже одним своим видом. А окружающие предгорья, поросшие, словно клочковатой шерстью, низкорослыми рыжевато-желтыми кустами, призывали прибегнуть к фотоаппаратам. Некоторые, хватаясь за кусты, начали взбираться по склонам, осыпавшимся под ногами, и среди них, к моему беспокойству, Антон. Однако все обошлось благополучно. И разве можно было даже предположить, что судьба, словно приманкой, воспользуется живописной бухтой, отложив гибельный исход более чем на пятнадцать лет.

А где, как не в этом уединенном месте, можно было разместить палатки туристического лагеря, задуманного Антоном. Фирме, созданной в Нижнем Новгороде, и туристическому лагерю в Крыму было дано название «Арвентур». Это таинственное слово Антон нашел в одном из рассказов Александра Грина*, свое-

го любимого писателя. Арвентур у Грина - чудесная страна, существующая где-то за пределами удручающей обывательской повседневности. А палаточный лагерь, по словам рекламы, сочиненной Антоном, расположился в Крыму, между горами и морем на небольшом плато, где среди природы - без телевизора, газет, повседневных проблем - человек ощущает внутреннюю и внешнюю свободу. Вечером над лагерем звезд больше, чем неба, живописала рекламка. И наконец, планктон, сообщила она. И разъясняла, что с научной точки зрения это фосфоресцирующие в воде микроорганизмы. А на самом деле - фейерверк серебра, омывающий любителей ночного купания. Словом, туристов ожидал прекрасный отдых. Туристов - да. Но ведь трехразовое питание в лагере, походы на близлежащий Кара-Даг, древний потухший вулкан, экскурсии в дельфинарий - все это обеспечивалось усилиями Антона и его товарищей. Осенью они возвращались в Нижний Новгород худощавые и загорелые до неузнаваемости.

Не ахти какой доход приносила фирма. Зимой, когда деньги заканчивались, приходилось где-то подрабатывать, перебиваясь до следующего туристического сезона. Это, однако, не мешало писать стихи, и может, облегчать в них душу. Антон успел закончить и небольшую фантастическую повесть. Она получилась интересной по смыслу и увлекательной по сюжету, несмотря на огрехи, связанные с нехваткой у автора писательского опыта. И продолжал писать стихи.

* А. Грин, рассказ «Наследство Пин-Мика».

Дорога

Давай сыграем с судьбой в орлянку.
Чего терять нам - кругом в долгах!
Вот жизнь за шкурку да наизнанку,
Отъезд и сборы впопыхах.
Куда поедem - не все равно ли,
Дороги, право, все хороши.
Ботинок левый мне жмет до боли,
Звенят в кармане одни гроши.
Перрон заплеван, дорога плачет,
И матом лает злой проводник.
Попутчик скучен, в окошке скачет
Унылый, тусклый фонарный блик.
Сниму ботинок, конечно, левый
И поругаюсь с проводником.
Попутчик толстый

арбуз незрелый
Сожрет, мерзавец, в углу тайком.
Глаза закрою, посплю немного
И на рассвете под дождь сойду...
Куда ведешь ты меня, дорога,
К успеху, счастьем или в беду?

Прощание с русской душой

Мне тяжельм тесным небосводом
Натирает шею пьяный вечер.
А душа уходит огородам,
Бьет с нагана болью через плечи.
И упав у сруба за колодец,
Матерясь, патрон вгоняю в дуло.
Веселится подленький народец:
Мол, ушла невеста, обманула!
До деревьев - темноты дорога,
Пляшет платье в прорези прицела.
Коль убью, вы не судите строго -
До моей души вам нету дела.
Острой раскаленную иглою
В душу пуля меткая вопьется.
Не хотела, падла, жить со мною,
Так теперь и вовсе не придется!
И лежит в наряде подвенечном
Мертвая душа у края леса.
Пусть лежит,
мне рассуждать о вечном
Никакого нету интереса.

Погоня

Я забыл покой - душу рвет гроза,
И, оставив дом, снова я в седле.
Конь чуть жив, храпит и косит глаза,
Стелит боль свою по земле.
Догонять Судьбу мне не в первый раз,
И в ушах моих вечен стук копыт.
Много верст еще разделяет нас,
И давным-давно мною сон забыт.
Залила простор серебром луна,
Лишь чернеет лес на краю степи.
Полной грудью пью степь-ковыл до дна.
И от воли пьян, сорвался с цепи.
Вот загнал коня и пешком пошел
Без дорог, сквозь лес, напрямик.
Руки, ноги рвал, нервы в узел плел,
А как ночь прошла - я Судьбу настиг.
Только Гордость шла по пятам за мной,
И не вышел наш разговор.
Разругались мы да вконец с Судьбой
У подножья безлюдных гор.
И теперь брожу неприкаян я
По отрогам их, по камням тропы.
И с вершин своего отчаянья
Созерцаю я приговор Судьбы.

На стародавний мотив

Чуть теплится свеча, вопросам нет ответа.
Холодный сумрак зол, устало терпелив.
И тяжело влачит величие рассвета,
Где чей-то силуэт загадочно красив.
Нам некогда смотреть, мы заняты собою,
Над разумом скользим, страдая и скорбя
Все также без причин.

К бесславному покою
Упорно каждый день готовим мы себя.
И в личной тишине чужие судьбы жмутся
К испуганным краям неверья твоего.
И даже если ты сумеешь оглянуться,
То поздно - за тобой уж нету никого.

* * *

Одиночество, встань между нами!
Одиночество, ласковый друг,
Осуши нашу память слезами,
Обогрей жарким холодом выюг!
Чтобы не было даже надежды -
Не хочу ни любви, ни тоски.
Обними же меня и утешь ты,
Долгий день разорви на куски.
И раскрась одинаковой краской -
Все куски в безразличия цвет.
Обзавелся я хитрою маской,
Для души у ней прорези нет.
Все равно мы теперь друг для друга

Только легкой улыбки вода.
И не кончится наша разлука
Никогда, никогда, никогда.

* * *

Хочу дожить до сентября,
Увидеть листопад,
Ногами листья теребя,
Войти в опавший сад.
Хочу дожить до октября,
Чтоб дождь лил за окном,
И о печали говоря,
Забиться легким сном.
Хочу дожить до ноября,
Увидеть первый снег.
Хочу понять я, что не зря
Мы проживаем век.
Хочу дожить до декабря,
До января дожить,
Под выюжный посвист февраля
Смеяться и любить.
Встречать веселую весну
И летом песни петь.
Не надо ставить мне в вину,
Что тороплюсь успеть.

Моя уверенность в одаренности Антона была связана не только с его литературными начинаниями. Его одаренность, думаю, подтверждал созданный в Лисьей бухте палаточный «Арвентур», как бы преломивший в себе гриновскую мечту о чудесной заповедной стране.

Фирма просуществовала четыре года. А в июне 1997-го произошла трагедия: погиб Антон. Сорвался с горной кручи, идя в Лисью бухту. Но только ли крутая тропка или камень, выскользнувший из-под ног, виноваты в его гибели? Хождение по горным тропинкам требует полного внимания и душевного спокойствия. Но если, как у многих в наступившие времена, даже обоснованные планы и надежды, едва воплотившись в жизнь, могли в любой момент рухнуть, какое уж тут спокойствие!

Время навсегда остановилось для Антона высоко среди гор над морем. А похоронен - в родном Нижнем Новгороде. Было Антону тридцать лет.

Не думаю, что он был всего лишь мечтателем, витающим в облаках. Но его стремления были высоки и, увы, не совместимы со временем, ориентировавшимся на безраздельный меркантилизм. Слишком требовательно подходил Антон к отношениям между людьми. Есть у него такие горестные строки:

Только где уж мне в них разобраться -

Где мой враг, а где истинный друг.

И невзгоды на плечи ложатся,

Шаг не крепок уже, не упруг.

А ведь в жизни рядом с нами чаще оказываются не то чтобы друзья или, наоборот, враги, а скорее лишь близкие знакомые. Они относятся к нам, как, впрочем, и мы ко многим из них, в чем-то хорошо, в чем-то неважно. И все-таки среди приятелей Антона видятся мне настоящие его друзья. Я часто вспоминаю их, когда вспоминаю Антона, то подростка, то уже взрослого.

Как ни изменялись порой отношения его с Сергеем Сухоруковым, с которым он учился в институте,

они оставались близкими друзьями. Помню, сколько неопровержимой убежденности после гибели друга было в словах Сергея, что такого человека, как Антон, он уже никогда не встретит. Вспоминаются мне и Тарас, и Дима...

Несколько в стороне ото всех ребят, объединявшихся вокруг Антона, представляется ни с кем несравнимый Михаил Ануфриев. Да-да, Миша Ануфриев. Дружили они с Антоном со школьных лет, с самого первого класса. Атмосфера душевной уравновешенности и взаимопонимания царила в комнате Антона, когда мой племянник и его верный друг, встретившись, о чем-то подолгу разговаривали. А когда на девятый день со дня гибели Антона было собрано традиционное поминальное застолье, многие что-то говорили, - только Миша не вымолвил ни слова. Но я запомнила и никогда теперь не забуду выражение его лица. Я не в силах передать словами потрясение на этом, обычно спокойном лице.

Прошло время, рассеялось большинство прежних товарищей. И только Миша Ануфриев каждое 2-е ноября (день рождения Антона) и каждое 29-е июня (день гибели) обязательно навещает друга. И памятник на его могиле поставил, а ведь не миллионер, не из лишних средств. Но главное - бесценна истинная дружба, не у каждого хватает на нее души, как у Миши, у Михаила Ануфриева.

Последний раз я разговаривала с Антоном по телефону за два месяца до его гибели - звонила из Ярославля в Нижний Новгород. Он сказал: «У меня появились новые планы, но преждевременно не буду о них говорить...» Как я узнала позднее, эти планы заключались в создании в Нижнем Новгороде кафе-

интернета, широко оснащенного компьютерами. Идеей заинтересовались найденные Антоном финансисты. А своему московскому родственнику со стороны матери, двоюродному брату Алексею Земцову и его жене Наташе Антон писал: «Идейная борьба за кафе-интернет обрела некоторые реальные очертания, но движется все очень медленно и сложно... Думаю, что у меня вполне получится прерваться на пару месяцев для поездки в Лисью бухту. Я уже ощущаю запахи прибоа, и настроение у меня боевое».

Судьба распорядилась по-своему... На похоронах я снова убедилась, как много было у Антона товарищей, да не уберегли... А еще мне запомнилась слезинка на щеке молоденькой женщины. Антон был прекрасен и внешне, и душой - многие женщины были неравнодушны к нему, да и он увлекался не раз. Но только с этой, единственной, мечтал связать свою жизнь. Не о ней ли написал полные нежности стихи: «И ждешь ты в очереди длинной небесных радостей...» А ее, как понимаю, пугала его житейская непрактичность. Что поделаешь - не судьба!

Прошло пять лет со дня гибели Антона, но я не могу свыкнуться с мыслью, что его нет на свете. Я перечитываю его стихи и письма, и кажется мне, что он совсем близко, что слышу его.

* * *

*Памяти трагически погибшего
начинающего поэта и моего племянника
Антон Марченко*

Я долго была молодой,
Не знала минуты ущербной,
Полна устремленности той,
Что кажется даже волшебной.

Не то чтобы время пришло,
Когда ликованье не мило,
Нет, горе меня потрясло,
Все силы во мне надломило.

Не радуют больше слова
О мире, мне сердце разбившем.
Но я - я, представьте, жива,
Жива размышленьем о бывшем.

Так путник, чтобы силы вернуть,
Назад обернулся и замер.
Но смотрит на пройденный путь
Как будто другими глазами.

2002 г., июль

Содержание

ЯҚҚОҒД НА ИСХОҒЕ ВЕКА.

1991-2000

«Мелькают дни чем дальше, тем скорей...»	10
Буря на море	11
«Почему повторяются сны...»	12
На склоне лет	13
Холодная весна	14
Опять война	15
Генерал	16
Столкновение	17
Сестра Шехерезада	18
Превращение	19
«Народ, помогай сам себе...»	20
Лучина	21
Благодарность	22
На каждом этаже	23
Блажь	24
Солнце в сентябре	25
Прощай, Феодосия!	26
Две луны	27
У самой Волги	28
Раздумье	29
Будущей России	30

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА.

1959-1990

Ожидание встречи с тобой

Глаза друга	32
«Душа, как суверенная держава...»	33

«Я помню каждый жест ваш, каждый взгляд...» ..	34
«Разгадана, развенчана она...» ..	34
«Ты улыбкой, как солнышко, брызни...» ..	35
«Если правда, что на расстояние...» ..	36
«И вот он грянул, ливень с высоты...» ..	37
«Ожидание встречи с тобой...» ..	38
На острове ..	39
«Белые потемки. Долгие минуты...» ..	40
«Здесь различишь еще мои следы...» ..	41
«О, это невысокое окно...» ..	42
«Я ожидала: скоро ли придешь...» ..	42
Письма осени ..	43
Жар-птица. Маленькая поэма ..	44

Встреча с отцом

Звезда ..	51
Папины письма ..	52
Счастье ..	53
Встреча с отцом ..	54
Терновый куст ..	55

Стрежень

Ярославль в снегу ..	56
Возвращение на Волгу ..	57
Встреча с красотой ..	57
Город мой ..	58
Матери Н. А Некрасова ..	59
Белогривая тройка ..	60
Областные города ..	61
«В ожидании снега завяли цветы на куртинах...» ..	62
Сельский музей ..	63
Старинное ..	64

«Почти устарели и «трепет», и «прелесть...»	64
На просторе	65
На реке	66
Речнику	67

Синие заволжские края

Названья деревень	68
«Я из провинции далекой...»	69
Сортировка	70
Богатство	70
Родина	71
Соловьиная ночь	72
Сказка	72
Тропинка	73
Сток	74
Бабушка	75
«Умирают зимние березы...»	76
Первый лед	77
«Я вышла из избы и поняла...»	78
«За какие заслуги, не знаю...»	79

Дыхание моря

Детство	80
«Я прятала портфель под камень...»	81
Стрижи	82
Взаимосвязь	83
Давние места	83
Саманный дом	84
Светлая поляна	85
«То ей хуже, то снова полегче...»	86
Акация	87
На родном берегу	88
Слово о Керчи	89

Первый пароход	90
Неспокойное море	91
Верность морю	92
Рыбачье утро	93
Глубинный лов	94
«Вот зеленою краской забор подновил...»	95
Дождь в Крыму	95
В непогоду	96
«В этом доме как будто живых не осталось...»	96
Сон	97
Родство	98
Имя дерева	99
«Когда уходят в море корабли...»	99
Дыхание моря	100

ПРОЗА

Катя, Катя, Катерина...

История одной молодости.....	102
------------------------------	-----

Разные небольшие истории

Совсем как на самом деле	132
Очаровательные глазки	139
Мы и они	143
Санькино горе	146

Я слышу его...

(О короткой жизни Антона Марченко)	151
Содержание	172

Марченко Эмма Васильевна

И ЮГ, И СЕВЕР

Сборник поэзии и прозы

Редактор А.П.Разумов

Художник В.П.Иванов

Художественный редактор А.П.Набатов

Корректор М.И. Солопова

Компьютерная верстка Е.Ю.Михнова

Лицензия ИД № 00050 от 30.08.99

Подписано в печать 20.12.02. Формат 60х90¹/₁₆
Бумага офсетная. Объем 11 печ. л. Тираж 1000 экз.

Заказ № 0214410.

Издательство "ЛИЯ"

150014, Ярославль, ул. Богдановича, 8-30.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО "Ярославский полиграфкомбинат"
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

